B166 131
2T.

B166
131

В. К. Поржезинскій.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГІЯ

ДРЕВНЕИНДІЙСКАГО, ГРЕЧЕСКАГО, ЛАТИНСКАГО И СТАРОСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКОВЪ.

КОНСПЕКТЪ ЛЕКЦІЙ, ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА.

Часть первая: Склоненіе именъ.

104
9

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА ВЗАИМОПОМОЩИ СТУДЕНТОВЪ-ФИЛОЛОГОВЪ И. М. У.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1916.

|ε̄| de

B166 131

В. К. Поржезинскій.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГІЯ

ДРЕВНЕИНДІЙСКАГО, ГРЕЧЕСКАГО, ЛАТИНСКАГО И СТАРОСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКОВЪ.

КОНСПЕКТЪ ЛЕКЦІЙ, ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА.

104
9

Часть первая: Склоненіе именъ.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА ВЗАИМОПОМОЩИ СТУДЕНТОВЪ-ФИЛОЛОГОВЪ И. М. У.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1916.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
799942

1. Общія замѣчанія объ основахъ.

Въ отдѣльные индоевропейскіе языки перешли изъ общаго индоевропейскаго праязыка слова, имѣющія формы, на ряду съ извѣстнымъ запасомъ словъ, не имѣвшихъ никакихъ формъ, и словъ несамостоятельныхъ (частичныхъ). Останавливаясь сперва на словахъ, имѣвшихъ формы отдѣльныхъ словъ, называемыя склоненіемъ, мы въ свою очередь прежде всего познакомимся съ тѣми типами образованія, которыя мы находимъ въ формахъ склоненія въ общеславянскомъ и другихъ родственныхъ языкахъ.

Такъ какъ индоевропейскій праязыкъ эпохи его распаденія имѣлъ за собою уже продолжительную исторію, то естественно, что въ томъ состояніи его формальнаго состава, который мы раскрываемъ путемъ сравнительноисторическаго изученія его потомковъ, оказывается не мало обломковъ отношеній, существовавшихъ въ предшествующее время, которые уцѣлѣли среди новыхъ категорій, сложившихся путемъ видоизмѣненія болѣе древнихъ фактовъ. Само собою разумѣется, что и въ этой области, какъ и въ области вопроса о происхожденіи отношеній между звуками, находящимися въ извѣстномъ чередованіи, мы вообще не можемъ достигнуть болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи наблюдаемыхъ нами въ эпоху распаденія праязыка формальныхъ соотношеній, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ мы можемъ все-таки высказывать извѣстныя предположенія, тамъ, гдѣ сами факты, нами обнаруживаемые, даютъ намъ на это право. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы даже даемъ довольно рѣшительные отвѣты.

Уже изъ того, что говорилось въ «Введеніи въ языковѣдѣніе» (4-ое изд., стр. 141 сл.), ясно вытекаетъ требованіе примѣнять къ эпохѣ распаденія индоевропейскаго праязыка тѣ же методологическіе пріемы, какіе мы примѣняемъ при изслѣдованіи отдѣльныхъ языковъ, т.-е. мы не должны смѣшивать въ цѣляхъ анализа точки зрѣнія исторической, интересующейся происхожденіемъ данныхъ фактовъ, и точки зрѣнія, отправляющейся отъ соотношеній, существующихъ въ данное время и являющихся матеріаломъ для классификаціи и анализа, которые нужно строго отличать отъ классификаціи и анализа въ исторической перспективѣ. Приведу одинъ примѣръ, взятый изъ фактовъ индоевропейскаго праязыка. Отдѣльные индоевропейскіе языки указываютъ на то,

что въ праязыкѣ существовали именныя и глагольныя основы, оканчивавшіяся на o, чередовавшееся съ e (см. стр. 15): ср. общеслав. orbo, напр., въ формѣ дат. мн. orbo-mъ при orbe въ зват.; ср. старосл. **рабомъ, рабе;** ср. далѣе berǫ, berete и т. п.; лат. equo — напр., въ древнелат. equos «конь», лат. legunt изъ legont, legitis изъ *legetis при lego «собираю», «читаю». Такого рода именныя и глагольныя основы называютъ тематическими; этотъ терминъ создался при сопоставленіи данныхъ основъ съ другими, гдѣ является чистый корень (корневыя основы), такъ какъ издавна господствовало убѣжденіе, что корни словъ должны вездѣ быть односложными, слѣдовательно, индоевроп. bhero-, bhere-, являющіяся въ слав. berǫ и т. д., заключаютъ въ себѣ корень + основообразовательный элементъ, суффиксъ, т.-е. разлагаются на bher + o/e. Если мы возьмемъ факты эпохи распаденія индоевроп. праязыка непосредственно въ томъ соотношеніи, которое мы открываемъ, то нельзя не признать, что въ эпоху распаденія элементы e/o, являющіеся въ окончаніи разсматриваемыхъ основъ, являлись суффиксами, существовавшими въ извѣстныхъ образованіяхъ [1]); ср., напр., въ лат. яз. при fero «несу», ferunt «несутъ» образованія fers, fert, fertis или въ старослав. яз. при **бєрѫ** ср. неопред. **бьр-а-ти.** Это, конечно, не предрѣшаетъ вопроса о самомъ происхожденіи такихъ основъ; м. б., e/o по происхожденію и не были суффиксами, м. б., какъ разъ наоборотъ, индоевроп. нетематическія (корневыя) образованія въ ихъ соотношеніи съ тематическими получились изъ этихъ послѣднихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время думаютъ очень многіе лингвисты.

Съ другой стороны, надо замѣтить, что въ современныхъ лингвистическихъ спекуляціяхъ большую роль играетъ терминъ «база», являющійся въ извѣстномъ смыслѣ конкурентомъ термину корень. О базахъ стали усиленно говорить съ тѣхъ поръ, какъ выдвинулся на первый планъ вопросъ о наличности въ праязыкѣ не только односложныхъ, но и двусложныхъ (частью, и трехсложныхъ) основныхъ частей словъ; напр., двусложной базой будетъ bhero/e. Эта проблема находится въ тѣсной связи съ ученіями о чередованіи звуковыхъ видовъ корней въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Осторожность и послѣдовательное примѣненіе методологическихъ положеній требуютъ отдѣленія этихъ очень интересныхъ разысканій отъ того, что намъ дано для эпохи распаденія, и для этой послѣдней мы можемъ констатировать непосредственно лишь ряды соотношеній по звуковому виду различныхъ образованій отъ одного и того же корня; происхожденіе этихъ соотношеній и составляетъ, какъ мы уже видѣли въ другой связи (см. стр. 38 сл. «Фонетики»), тему многочисленныхъ разысканій и гипотезъ. Нѣкоторые ученые пытаются обойти затрудненія, называя базой звуковые комплексы основы, которые, съ точки зрѣнія нашихъ свѣдѣній объ индоевропейскомъ вокализмѣ,

---

[1]) Конечно, извѣстныя основы индоевроп. праязыка съ окончаніемъ o/e въ эпоху распаденія уже не могли разлагаться говорящими на корень + o/e, такъ какъ на ряду съ ними не существовало другихъ образованій съ тѣмъ же корнемъ.

являются подчиненными условіямъ чередованія звуковъ; они сохраняютъ терминъ корень для односложныхъ корней. Какъ бы то ни было, слѣдуетъ твердо помнить, что корни индоевропейскаго праязыка, которые мы выдѣляемъ въ реконструированныхъ для эпохи праязыка словахъ, не представляютъ собою непосредственно остатка болѣе древняго состоянія языка, когда слова были только корнями, какъ, напр., въ китайскомъ языкѣ, т.-е. когда еще не было формъ отдѣльныхъ словъ съ ихъ формальными признаками. Корнями индоевроп. праязыка мы называемъ извѣстные элементы звукового состава словъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ, напримѣръ, о корняхъ русскаго яз.; корнями будутъ, слѣдовательно, тѣ звуковые элементы, которые являются носителями основного значенія слова и которые выдѣляются нами при сопоставленіи даннаго слова съ другими родственными образованіями, гдѣ та же основная принадлежность является въ другихъ комбинаціяхъ. То, что съ точки зрѣнія даннаго соотношенія фактовъ является корнемъ, съ точки зрѣнія исторіи можетъ оказаться производной основой; ср. русское слово дѣло, гдѣ для современнаго сознанія выдѣляется въ качествѣ корня элементъ дѣл-, хотя съ точки зрѣнія исторіи здѣсь корень только дѣ-, тотъ же, что и въ глаголахъ надѣть, надѣвать и т. п., уже не ассоціирующихся по значенію съ словомъ дѣло. Точно такъ же и по отношенію къ индоевроп. праязыку мы опредѣляемъ корни по тѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ для эпохи его распаденія, и о томъ, что предшествовало этой эпохѣ, мы вообще можемъ только догадываться. Слѣдовательно, корни, суффиксы и т. д., опредѣляемые нами для индоевроп. языка, суть только результаты нашего грамматическаго анализа; чѣмъ они были раньше, въ какомъ видѣ они являлись въ болѣе раннія эпохи, мы пока точно не знаемъ, строя лишь тѣ или другія болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія.

Относительно термина аффиксъ замѣчу, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ были именно суффиксы; существованіе здѣсь инфиксовъ по самому ихъ происхожденію подвергается многими учеными сомнѣнію, и тѣ элементы, которые могутъ быть разсматриваемы какъ инфиксы по ихъ происхожденію, объясняются многими учеными иначе. Префиксовъ въ индоевроп. праязыкѣ также еще не было, такъ какъ аугментъ (приращеніе), извѣстный, какъ напр., въ греческ. яз. въ эпоху распаденія праязыка, былъ еще отдѣльнымъ частичнымъ словомъ, сливаясь съ глаголомъ лишь въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній начинался съ е, ср. греч. ἦα и др.-инд. ásam «я былъ» отъ глаг. корня индоевроп. es. Въ послѣднее время вводится въ нѣмецкой наукѣ терминъ формативъ или формантъ (въ русской передачѣ, по-нѣмецки въ чисто латинской формѣ formans), которымъ пытаются замѣнить терминъ аффиксъ (префиксъ, суффиксъ, инфиксъ), для того, чтобы не возбуждать опредѣленныхъ представленій о самомъ происхожденіи этихъ формальныхъ элементовъ нашего языка, которые еще Боппъ выводилъ въ огромномъ большинствѣ изъ самостоятельныхъ словъ, получившихъ служебное значеніе и примкнувшихъ къ словамъ-корнямъ болѣе древняго періода. Подобно основ-

нымъ или корневымъ базамъ принимаютъ базы формативныхъ элементовъ, напр., суффиксы индоевроп. праязыка tro, tēr, tōr (ср. др.-инд. janí-tra-m «мѣсто рожденія», греч. γενετήρ, лат. genitor) понимаютъ какъ видоизмѣненія базы tero/e.

Отъ аффиксовъ отличаютъ такъ называемые «опредѣлители корней» (Wurzeldeterminative), понимая подъ этимъ терминомъ тѣ звуки, которые не принадлежатъ самому корню (въ томъ смыслѣ этого термина, который разъясненъ выше), но въ то же время не являются, подобно аффиксамъ, носителями опредѣленнаго значенія. Ср. индоевроп. trepe—въ старослав. **трепетъ**, лат. trepidus «неспокойный, встревоженный», индоевроп. treme—въ лат. tremit «дрожитъ», индоевроп. trese—въ древнеинд. trásati «дрожитъ», гдѣ въ одномъ и томъ же корнѣ мы находимъ согласныя p, m, s, не являющіяся суффиксами. Рѣзкой грани между суффиксами и опредѣлителями корней провести нельзя по той причинѣ, что, напр., въ извѣстныхъ случаяхъ элементъ, являющійся въ другихъ образованіяхъ опредѣлителемъ, срастается въ одно цѣлое съ суффиксомъ.

Въ основахъ индоевроп. праязыка (именныхъ и глагольныхъ) мы различаемъ непроизводныя (первообразныя) и производныя основы, или точнѣе—мы должны говорить объ именахъ и глаголахъ непроизводныхъ и производныхъ. И это различіе во многихъ случаяхъ является для насъ текучимъ, коль скоро мы обращаемся къ исторіи самихъ фактовъ; оставаясь опять на почвѣ нашихъ непосредственныхъ знаній фактовъ только эпохи распаденія, мы, напр., скажемъ, что основа, являющаяся въ лат. pēs, ped-is «нога», является непроизводной, корневой, а старая основа, напр., въ лат. pedes, peditis «пѣшеходъ», «пѣхотинецъ», представляетъ корень, осложненный суффиксомъ.

Различаютъ еще между основами производными первичныя и вторичныя; первыя представляютъ основы, произведенныя непосредственно отъ корня, вторыя являются производными отъ другихъ основъ; первичной въ этомъ смыслѣ будетъ та индоевроп. основа, которая является въ общеслав. vozъ (р. возъ); примѣромъ вторичной основы можетъ служить основа общеслав. sestrinъ (р. сестринъ).

По указаніямъ отдѣльныхъ языковъ для индоевроп. праязыка мы должны принимать въ именныхъ основахъ три формы рода: мужескаго, женскаго и средняго. Что касается различія между мужескимъ и женскимъ родомъ, то оно является различіемъ въ естественномъ родѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ основы обозначаютъ существа мужескаго или женскаго рода естественнаго; въ прочихъ случаяхъ этимъ формамъ рода принадлежитъ такъ называемое грамматическое значеніе; форма средняго рода имѣетъ это значеніе и вообще. О происхожденіи формъ рода въ индоевроп. праязыкѣ мы можемъ только догадываться, такъ какъ оно относится къ эпохамъ болѣе древнимъ сравнительно съ эпохой распаденія. Именно можно думать, что характерные въ этомъ отношеніи суффиксы (напр., окончаніе основъ ж. р. на ā, ср. общеслав. žena, лат. equa «кобыла») получили это свое значеніе лишь съ теченіемъ

времени путемъ ассоціаціи извѣстнаго оттѣнка въ значеніи въ словахъ, обозначающихъ существа женскаго пола, съ извѣстнымъ видомъ суффикса. Затѣмъ по аналогіи то же соотношеніе установилось и въ тѣхъ именахъ, которыя сами по себѣ не могли имѣть различія въ естественномъ родѣ. Форма рода въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ, имѣющихъ согласованіе въ родѣ, по своему значенію отличается отъ формы рода въ существительныхъ тѣмъ, что она въ прилагательныхъ принадлежитъ къ формамъ словоизмѣненія, т.-е. существуетъ лишь въ сочетаніи съ существительнымъ въ словосочетаніи, тогда какъ въ именахъ существительныхъ это форма словообразованія. О происхожденіи формы средняго рода можно сказать только то, что она, повидимому, возникла первоначально какъ обозначеніе вещи, т.-е. обозначала нѣчто сдѣланное, частью и самый матеріалъ. Однако, уже и въ эпоху распаденія праязыка значеніе формы средняго рода было исключительно грамматическимъ. На болѣе старыя отношенія нѣкоторый свѣтъ проливаютъ слѣдующіе факты: совпаденіе по образованію въ именахъ ср. р. им. и вин. падежей; совпаденіе этого образованія ср. р. въ основахъ на о съ образованіемъ вин. пад. въ именахъ м. р. съ тѣми же основами (ср. лат. equum и jugum; на слав. почвѣ здѣсь произошло расхожденіе вслѣдствіе новообразованія въ окончаніи им. вин. ср. р.); наконецъ, ср. значеніе ср. р. въ вопросительныхъ и указательныхъ мѣстоименіяхъ, сохранившееся частью и въ современномъ р. яз.: «кто», но «что» о неодушевл. предметѣ всякаго рода, а не вообще о ср. р.

Въ отдѣльныхъ языкахъ въ области формъ рода происходили весьма значительныя передвиженія, да и въ самомъ индоевроп. праязыкѣ эпохи его распаденія мы находимъ 1) значительныя измѣненія сравнительно съ предшествующимъ состояніемъ и 2) задатки позднѣйшихъ измѣненій. На измѣненіе въ формѣ рода вліяло, съ одной стороны, само значеніе даннаго слова, а, съ другой стороны, оказывали свое дѣйствіе и причины формальнаго характера. Ср., напр., на славянской почвѣ такія имена, какъ старослав. **слоуга**; ср. лат. scrība «писецъ» (первоначально это были названія дѣйствія); съ другой стороны, ср. лат. названія деревьевъ 2-го склоненія ж. р. (сохранились слѣды употребленія этихъ именъ и какъ словъ м. р.), по аналогіи другихъ названій деревьевъ 1-го и 4-го склоненій (pōpulus «тополь», laurus «лавръ» — tilia «липа», planta «растеніе», quercus «дубъ»); ср. далѣе р. старина = старикъ, какъ слово м. р. (отвлеченныя имена получаютъ собирательное значеніе и далѣе обозначаютъ отдѣльное лицо, ср. еще старослав. **юнота** м. р. = **юноць**); сюда же относится и тотъ фактъ, что слово, само по себѣ обозначающее особь и мужескаго, и женскаго рода, получаетъ въ сочетаніи съ прилагательнымъ соотвѣтственную форму рода; частью здѣсь наблюдается прибавленіе особаго слова для обозначенія пола, ср. лат. agnus fēmina для обозначенія ягненка ж. р.; нововерхненѣм. діалектич. die fräulein вм. das fräulein показываетъ, что здѣсь является тенденція дать перевѣсъ естественному роду надъ грамматическимъ; ср. аналогичное французское une belle enfant, когда говорятъ о ребенкѣ ж. р. При-

мѣръ вліянія причинъ формальнаго характера представляетъ лат. castra «лагерь» (форма им. вин. ср. р., слово недостаточное по отношенію къ числу), употребляющееся въ поздней латыни какъ слово ж. р.: ex castrā «изъ лагеря» вм. классическаго ex castrīs.

2. Общія замѣчанія о формахъ склоненія.

Формами склоненія въ тѣсномъ смыслѣ этого термина мы называемъ только тѣ формы склоняемыхъ словъ, которыя по своему значенію были формами словоизмѣненія (см. Введеніе въ языковѣдѣніе, 4-ое изд., стр. 145 сл.), а такими формами являются формы падежей и формы рода именъ прилагательныхъ и мѣстоименій, тогда какъ формы числа и формы рода именъ существительныхъ были по значенію формами словообразованія. Однако уже въ индоевроп. праязыкѣ эти формы вообще не могутъ быть отдѣляемы по образованію отъ формъ словоизмѣненія, называемыхъ склоненіемъ, а потому и разсматриваемъ ихъ вмѣстѣ.

Въ формахъ числа въ индоевропейскомъ праязыкѣ различалась форма единственнаго, форма двойственнаго и форма множественнаго числа. Послѣднею данный предметъ мысли обозначали въ количествѣ неопредѣленномъ, формою двойственнаго числа — въ количествѣ двухъ, а формою единственнаго числа данный предметъ мысли не обозначался ни въ неопредѣленномъ количествѣ, ни въ количествѣ двухъ, а потому обозначался частью именно въ количествѣ одного. Въ личныхъ мѣстоименіяхъ въ формахъ множ. и дв. ч. было нѣсколько особое значеніе; такъ, въ мѣстоим. 1-го лица вмѣстѣ съ другими предметами мысли подразумѣвалось и лицо говорящее, а въ мѣстоим. 2-го лица обозначались или лица, къ которымъ обращена рѣчь, или второе лицо рѣчи + другія лица; ср. въ русск. яз. значеніе, принадлежащее мѣстоим. «мы» и «вы». Форма двойственнаго числа, сохранявшаяся еще въ древнеиндійскомъ и въ общеслав. яз., исчезла въ латинскомъ яз. въ качествѣ отдѣльной грамматической категоріи; остатками этой формы, уже не сознававшимися двойствен. числомъ, были лат. duo «два», amb-ō «оба».

Въ греческомъ языкѣ формы двойств. числа рано стали вытѣсняться соотвѣтственными формами мн. ч., ср. уже у Гомера χεῖρες вм. χεῖρε, когда рѣчь идетъ о парѣ рукъ. Въ аттич. нарѣчіи V в. до Р. Хр. двойств. число было еще въ полномъ ходу, но и здѣсь съ теченіемъ времени оно стало исчезать; около 300 г. до Р. Х. формы двойств. числа, повидимому, исчезли изъ живого разговорнаго яз. повсемѣстно. На славянской почвѣ формы двойств. числа, сохранявшіяся въ старосл. яз., тоже почти всюду исчезли; русскій яз. зналъ двойств. чис. какъ живую категорію еще въ XIV в.; въ настоящее время оно сохраняется у кашубовъ (въ остаткахъ), словенцевъ и лужичанъ.

Что касается самихъ падежныхъ формъ, то къ нимъ нѣтъ основаній причислять звательную форму, которая стоитъ, какъ слово — воззваніе, внѣ предложенія. Далѣе и форма именит. падежа обозначала (обозначаетъ и теперь) данный предметъ мысли внѣ тѣхъ отношеній, которыя

указываются формами косвенныхъ падежей, но въ составѣ предложенія, гдѣ впервые и возникли падежныя формы, имен. есть падежъ грамматическаго подлежащаго, а также въ праязыкѣ и сказуемаго, если оно склоняемая часть рѣчи. Въ виду этого им. падежъ, какъ такъ называемый прямой падежъ, противополагаютъ косвеннымъ падежамъ и разсматриваютъ его вмѣстѣ съ ними.

Относительно отдѣльныхъ падежныхъ формъ надо замѣтить, что уже въ самомъ индоевроп. праязыкѣ въ эпоху его распаденія съ наибольшею полнотою различались отдѣльные падежи по образованію лишь въ ед. ч., да и здѣсь особая форма отложительнаго падежа существовала искони только въ основахъ на о; въ двойств. ч. различались вообще только 3 формы: 1) имен.-вин., служившая и зват. ф.; 2) родит.-мѣстн. и 3) дат.-отлож.-твор. Весьма вѣроятно, что такое положеніе явилось въ результатѣ историческаго развитія, вслѣдствіе такъ называемаго синкретизма (смѣшенія падежей, т.-е. совпаденія въ одной формѣ различныхъ по значенію падежей); это явленіе наблюдается и въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ, гдѣ число падежей, различныхъ по образованію, вообще уменьшалось (расширеніе стараго положенія мы находимъ, съ другой стороны, въ многочисленныхъ новообразованіяхъ отложит. падежа ед. ч. въ латинскомъ яз.). На старый индоевроп. синкретизмъ падежей указываетъ, можетъ быть, и тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ падежахъ мы находимъ различныя образованія съ діалектическими различіями (напр., ср. образованіе твор. ед., о чемъ см. ниже), хотя это явленіе допускаетъ и другое объясненіе: въ эпоху созданія падежныхъ формъ съ самаго начала могло быть расхожденіе отдѣльныхъ діалектовъ по отношенію къ отдѣльнымъ падежамъ. Относительно синкретизма на почвѣ отдѣльныхъ языковъ, ср., напр., происхожденіе латинскаго падежа, называемаго ablativus, въ которомъ мы находимъ различныя по происхожденію формы (см. ниже).

Значеніе падежей въ индоевроп. праязыкѣ эпохи его распаденія, опредѣляемое на основаніи показаній отдѣльныхъ языковъ, мы можемъ опредѣлить не только въ общихъ чертахъ, но и въ существенныхъ деталяхъ, при чемъ уже въ самомъ праязыкѣ мы находимъ, повидимому, случаи расширенія болѣе исконной сферы одного падежа на счетъ другого.

Наиболѣе общія значенія, принадлежавшія падежамъ въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка, были слѣдующія:

1) Винит. падежъ обозначалъ, во-первыхъ, объектъ, на который въ его цѣломъ направлено дѣйствіе субъекта, и, во-вторыхъ, винит. обозначалъ пунктъ, который достигается движеніемъ субъекта. Первое было грамматическимъ, формальнымъ значеніемъ, такъ какъ винительнымъ пад. данный предметъ обозначался какъ грамматическій объектъ. Въ этомъ общемъ употребленіи существовали различные частные случаи, выдѣлившіеся на общемъ фонѣ основного значенія. Такъ, различаютъ винит. внутренняго и винит. внѣшняго объекта; послѣднимъ называютъ винит. объекта, если этотъ послѣдній является вообще объектомъ дѣй-

ствія, не будучи связанъ съ глаголомъ, выражающимъ дѣйствіе, ни по корню, ни по значенію; въ томъ случаѣ, когда эта связь имѣется на лицо, и самый объектъ существуетъ во время дѣйствія, винит. называется винит. внутренняго объекта; ср. лат. facere aliquid, общеслав. dѣlati nѣčьto и лат. fossam fodere «рыть ровъ», старослав. **дѣлати дѣла** (Кіевск. лист.); лат. proelium pugnāre «сражаться», р. говорить рѣчь. Винит. протяженія во времени и пространствѣ, можетъ быть, выдѣлился изъ этого винительнаго внутренняго объекта: ср. лат. triduī iter processit «прошелъ впередъ на разстояніе трехъ дней пути», unum diem vīvere «жить одинъ день; греч. τὴν ὁδόν ἣν Ἑλένην περ ἀνήγαγεν «путь, по которому (онъ) увелъ Елену»; русск. идти всю ночь, пройти двѣ версты и т. п. Кромѣ глаголовъ переходныхъ, вин. прямого дополненія получаютъ и глаголы непереходные, особенно часто въ сложеніи съ приставками, которыя первоначально были отдѣльными несамостоятельными словами, ср. лат. olēre unguenta «пахнуть мазями», transīre flūmen «перейти рѣку», греч. πῦρ πνέουσα καὶ φόνον «дыша огнемъ и убійствомъ», церковнослав. **дъштерь оуи болѣаху**, р. найти съ вин. и т. п.

Что касается вин. пункта достиженія, то ср. лат. domum, Rōmam īre «идти домой, въ Римъ», старослав. **приде бо Христосъ небесъскыѩ двьри** (Супр. р., 465, 22), ср. лат. супинъ на—tum и общеслав. супинъ на—tъ при глаголахъ движенія, которые по происхожденію являются такими вин. отглагольныхъ существ. съ суффиксомъ — tu: лат. cubitum īre «идти спать», старослав. Cloz 1,223 **приде пролитъ кръве своеѩ** (замѣтьте род. при супинѣ).

Двойной вин. также существовалъ уже въ эпоху распаденія праязыка (напр. внутренняго и внѣшняго объекта); ср. лат. aliquem facere herēdem «дѣлать кого наслѣдникомъ» (вм. соединенія при глаголѣ дѣлать вин. для обозначенія объекта дѣйствія и вин. предикативнаго на слав. почвѣ въ такихъ случаяхъ рано является твор. пад.), старослав. Лук. 6, 14, **Симона ѥго же именова Петра**, ср. двойн. вин. при глаголахъ «просить и т. п.», лат. auxilia rēgem orābant, ср. на слав. почвѣ только слѣды такого употребленія при нѣкоторыхъ другихъ глаголахъ: стати «сто́ить» въ сербскомъ, kosztowaí «сто́ить» въ польск. и нѣк. др., ср. греч. φίλον τὸν Φίλιππον ἡγοῦντο «они считали Ф. другомъ». Повидимому, уже въ праязыкѣ вин. переносился и на отглагольныя имена, ср. лат. domum ītio «отправленіе домой», старослав. **по приѩтии ми... отъ Бога великыи даръ** (Супр. 525, 15).

в) Родит. падежъ въ индоевроп. праязыкѣ имѣлъ также два значенія: 1) имъ обозначалось данное склоняемое слово какъ дополненіе при другомъ склоняемомъ словѣ и 2) род. принадлежало значеніе, которое состояло въ томъ, что данный объектъ обозначался какъ подвергающійся дѣйствію глагола не въ полномъ объемѣ (въ отличіе отъ винит.).

Въ первой категоріи по значенію различаютъ такъ называемые род. подлежащаго (genetivus subjectivus) и род. дополненія (genetivus objectivus), искусственное различеніе, создавшееся потому, что, напр., лат. amor patris въ значеніи «любовь отца» приравнивается къ pater amat

«отецъ любитъ» съ вин. объекта; то же самое amor patris въ значеніи «любовь къ отцу» приравнивается къ patrem amat (или amant) «любитъ (любятъ) отца» съ подлежащ. въ имен. пад. Различаютъ далѣе род. качества (genetivus qualitatis), ср. р. человѣкъ большого ума, раздѣлительный (genetivus partitivus, ср. р. фунтъ хлѣба), род. принадлежности (genetivus possessivus, ср. р. домъ отца) и др. Въ настоящее время нелегко опредѣлить, какіе случаи являются менѣе древними, именно, какіе случаи употребленія род. при имени склоняемомъ возникли сперва при отглагольныхъ именахъ, на которыя были перенесены сочетанія съ род. спрягаемыхъ формъ глагола.

При глаголахъ род. ед. въ славянскихъ языкахъ является въ болѣе широкомъ употребленіи, чѣмъ это имѣло мѣсто въ праязыкѣ. И здѣсь, какъ было уже указано, род. являлся вм. винит., когда объектъ дѣйствія подвергался ему не въ полномъ объемѣ; ср. род. при глаголахъ вкушать, пить, ѣсть, брать, ср. греч. λωτοῖο φαγών «поѣвъ лотоса», χαριζομένη παρεόντων «охотно давая изъ запаса» и т. п.; въ русск. яз. различаются, напр., «пить вино» (пить вино вообще, пить вино въ данный моментъ, когда имѣется въ виду обозначить только самый фактъ безъ отношенія къ количеству) и «выпить вина» (когда обозначается количество вина, точнѣе не опредѣляемое, и не имѣется въ виду конкретное данное количество вина), при «выпить вино» (когда дѣло идетъ о данномъ опредѣленномъ винѣ). На балтійскославянской почвѣ, повидимому, уже установился род. вм. вин. при отрицаніи (ср. я читаю книгу, я не читаю книги). Исходнымъ пунктомъ такого употребленія врядъ ли можно считать род. при ср. р. мѣстоим. съ отрицаніемъ, которое разсматривается какъ существительное (таково мнѣніе Вондрака, ср. его Vergleichende slaviche Grammatik, II, 338, гдѣ данный род. выводится изъ такихъ выраженій, какъ **ничьтоже иного ненавидитъ богъ, ꙗкоже...**); скорѣе мы имѣемъ здѣсь дѣло съ распространеніемъ род. на счетъ вин.; такъ какъ уже издавна эти падежи объекта соприкасались между собой, и въ отрицательныхъ предложеніяхъ легко могъ установиться именно род. въ виду того, что здѣсь отрицается вообще наличность даннаго дѣйствія, и къ этому присоединяется представленіе, что и объектъ не подвергается данному дѣйствію ни въ какой мѣрѣ (ср. Brugmann, Grundriss II, 2^2, 611 сл.); это подтверждается различіемъ, существующимъ, напр., въ русскомъ между «я не пишу письма» (вообще) и «я не напишу письмо (при «письма»), когда дѣло идетъ объ опредѣленномъ письмѣ. Далѣе, род. уже въ общеслав. яз. заступилъ мѣсто вин. при именахъ лицъ первоначально основъ на о и, можетъ быть, даже вообще одушевленныхъ именъ м. р. (по крайней мѣрѣ, въ ед. ч.), въ дальнѣйшемъ развитіи славянскихъ языковъ русскій яз. пошелъ дальше всѣхъ, сдѣлавъ род. вм. вин. обязательнымъ для всѣхъ одушевленныхъ именъ м. р., а во мн. ч. и для одушевленныхъ женск. и ср. р. По вопросу о возникновеніи этого род. существуетъ цѣлая литература, и были высказаны различныя точки зрѣнія. Мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ то мнѣніе, по которому этотъ род. имѣетъ свое начало въ одушевленныхъ

именахъ лицъ въ ед. ч., когда нужно было особенно подчеркнуть различіе между субъектомъ и объектомъ (а им. и вин. совпали въ ед. ч. въ одной формѣ на—ъ). Ср. статьи Томсена въ «Indogerm. Forsch.», томъ 24 и сл., Тимченка въ «Русск. Фил. Вѣстн.», 1913 г., № 4.

c) Отложительный падежъ обозначалъ въ индоевроп. праязыкѣ пунктъ, отъ котораго отдѣляется другой предметъ мысли (между прочимъ, и признакъ, обозначаемый глаголомъ) по связи ихъ между собою, по положенію или по причинной связи; особое образованіе этого падежа сохранилось въ древнеиндійск. и латинск. яз.; ср. древнеинд. ēti yávasād «идетъ съ пастбища», лат. movēre locō «двигать съ мѣста»; lībero suspīciōne «освобождаю отъ подозрѣнія» (и далѣе ср. отлож. при прилаг. līber); antīquō genere nascī «происходить изъ древняго рода»; tē maior «большій чѣмъ ты» и т. п. Въ греч. языкѣ функціи отлож. перешли на родительный (искони не отличавшійся по образованію отъ отлож., за исключеніемъ ед. ч. основъ на о): ср. χάζομαι κελεύθου «уступаю съ дороги»; παύομαι πολέμου «прекращаю войну»; στερέω τιμῆς «лишаю чести» и т. д. На славянской почвѣ мы находимъ то же положеніе: ср. **бѣжимъ кыѵєниꙗ, бѣдъ свобождєни бышѧ, ѵистъ гнѣва, аꙁъ ѥсмъ вашєго плємєнє** (примѣры изъ Супр. рук.).

d) Дательный падежъ обозначалъ въ индоевроп. праязыкѣ предметъ мысли, являвшійся непрямымъ объектомъ, т.-е. тотъ предметъ мысли, для котораго что-нибудь дѣлается, или котораго касается дѣйствіе, направленное на прямой объектъ; ср. русскія значенія дѣлать что-нибудь для кого-нибудь и давать что-нибудь кому-нибудь. Изъ перваго значенія развивалось то значеніе, въ которомъ дат. обозначаетъ предметъ мысли, только духовно заинтересованный въ дѣйствіи, ср. греч. μηδέ μοι οὕτω θῦνε διὰ προμάχων «не неистовствуй у меня такъ среди передовыхъ бойцовъ»; лат. quid mihi Celsus agit? что подѣлываетъ (у меня) Цельзъ? старослав. **съмотритє жє ми ꙁълодѣиство ихъ** (Супр. р., 344, 7). Изъ сочетаній съ глаголомъ дат. переносился и въ сочетанія съ именами склоняемыми, ср. р. служить кому и слуга кому, ср. лат. tradere alicui «передавать кому» и traditio alicui «передача кому».

e) Творительный падежъ имѣлъ въ праязыкѣ два значенія: орудное (обозначалъ того или то, при помощи кого или чего совершается дѣйствіе) и соціативное (обозначалъ тотъ предметъ мысли, вмѣстѣ съ которымъ что-либо дѣлается), при чемъ изъ чистаго соціативнаго значенія развивалось значеніе сопутствующаго обстоятельства (ср. р. кровь текла ручьями). Изъ общаго соціативнаго значенія развивается такъ называемый дескриптивный (описательный) творительный: ср. старослав. **радостиѭ радоѵѥтъ сѧ** (Супр. р., 320, 14), р. спать крѣпкимъ сномъ; греч. θανεῖν οἰκτίστῳ θανάτῳ «умереть самою жалкою смертію».

Далѣе ср. такъ называемый творит. образа дѣйствія (ablativus modi, а въ латинской грамматикѣ падежъ, въ которомъ совпали старый отлож. и мѣстный,—во множ. ч. и дат. отлож.—и на который перешли функціи творит., называется ablativus), ср. старослав. **ѥдинѣмъ гласомъ рѣшѧ** (Супр. р., 59, 20), р. идти шагомъ, бѣгомъ и т. п. Сюда же

принадлежитъ твор., обозначающій распространеніе въ пространствѣ и времени, ср. старослав. **съхождаашє пѫтьмь тѣмь**, Лук. 10, 31, **трьми дьньми съзъдати ѭ**, Матѳ. 26, 61; ср. р. идти дорогою, путешествовать лѣтомъ и т. п. Твор. можетъ обозначать и свойство (это значеніе, какъ и предшеств., развивается изъ соціативнаго): ср. старослав.— **кротъкъ и бєзълобы бѣашє** (Супр. р., 46, 29), лат. formā eximiā mulier и т. п. [1]). Ср. еще творит. ограничительный (abl. limitationis): старослав. **высокъ саномъ** (Супр. р., 63, 8), р. высокъ ростомъ, лат. alterō pede claudus и т. п. Изъ значенія оруднаго (ср. р. рѣзать ножомъ, лат. manibus dīvellere) развивается легко причинное значеніе: ср. старослав. **гладъмъ мъры** (Супр. р. 291, 14), ср. р. милостью твоею я ожилъ и т. п., лат. ferrō interīre и т. п.

Широко распространенъ на слав. почвѣ предикативный творительный, т.-е. творительный при глаголахъ называть, дѣлать и т. п. кого кѣмъ, быть чѣмъ; ср. въ старосл. еще **Григории поставьѥнъ бысть патриархъ** (Супр. р., 46, 29) и ср. рѣдкіе случаи типа **дѣвицєѭ быти** (Супр. р., 237, 18). Это употребленіе твор. развилось, вѣроятно, изъ болѣе общаго значенія образа дѣйствія тѣмъ путемъ, что предметъ мысли, обозначаемый этимъ твор., отожествляется съ объектомъ дѣйствія (ср. Vondrak, Vergl. Gramm. 2, 353 сл.).

Перенесеніе твор. изъ сочетанія съ глаголомъ въ сочетаніе съ именемъ мы находимъ, напр., въ русск. при «полный дыма» и «полный дымомъ»; ср. и нѣкоторые вышеприведенные примѣры.

f) Мѣстный пад. обозначалъ въ предметѣ мысли или время, или мѣсто дѣйствія. Въ греческ. 3-мъ склоненіи старая форма мѣстн. ед. стала дат. ф.; старое мѣстн. знач. мы имѣемъ, напр., въ гомер. ὤμοισι «на плечахъ»; нарѣчія οἴκοι «до́ма», Ἰσθμοῖ по происхожденію формы стараго мѣстнаго ед. Ср. лат. domi, Corinthī и т. п. На славянской почвѣ здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, рано укрѣпилось сочетаніе съ предлогомъ для обозначенія мѣста; ср. старослав. рѣдкіе случаи типа Супр. **сємь мѣстѣ** (Супр. 31, 3), ср. древнерусск. Кыевѣ, Новѣ Городѣ и др. Ср. для обозначенія времени: старослав. **ѵсцѣлѣ отрокъ томь ѵасѣ**. Особенно распространенъ мѣстный при глаголахъ сложныхъ съ приставкою при: ср. **прикасати сѧ** (но и простой глаголъ съ мѣстн., ср. **прикоснѫ сѧ ѥмь**, Лук. 8, 47).

Въ формѣ стараго мѣстн. являются и многочисленныя нарѣчія, представляющія собою застывшіе мѣстн. прилагательныхъ, ср. старослав. **нѣсть ми льзѣ, кротъцѣ и тихо рєчє, добрѣ** и т. д. Примѣрами употребленія мѣстн. при именахъ могутъ быть дринд. dēvēṣu prathamám «перваго среди боговъ», ср. греч. μέγιστον Κυκλώπεσσι.

Въ лат. яз. остатками мѣстн. являются нарѣчіе domi и формы основъ 2-го и 1-го склоненія, являющихся собственными именами городовъ и малыхъ острововъ (Corinthī, Rōmae и т. д.), см. ниже.

---

[1]) Ср. родит. въ томъ же значеніи; о разграниченіи въ этомъ значеніи род. и твор. въ классической латыни см. элементарную грамматику.

Въ отдѣльныхъ языкахъ нерѣдко сочетанія падежа съ предлогомъ стали обязательными тамъ, гдѣ первоначально достаточно было одного падежа, и гдѣ предлоги первоначально служили лишь для ближайшаго опредѣленія отношенія, выражаемаго падежомъ, ср. въ р. идти въ городъ, лат. in urbem īre, но еще Rōmam, domum īre (идти въ Римъ, домой), ср. далѣе р. въ Кіевѣ вм. древнерусск. Кыевѣ и т. д.

3. Обзоръ именныхъ основъ.

а) Основы, оканчивавшіяся въ праязыкѣ на о, чередовавшееся съ е, были основами муж. и средн. р. Отсюда объясняются соотвѣтственные типы основъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ; ср. греч. ἵππος «конь», зват. ф. ἵππε; ζυγόν «ярмо, иго», основа ср. р.; лат. equos, позже equus, зват. ф. eque; jugum, тожеств. греч. ζυγόν; старослав. **рабъ**, зват. **рабе; иго**; древнеинд. áçva-s «конь», зват. áçva (въ именахъ, гдѣ было k и g въ положеніи передъ а въ окончаніи основы въ зват. ед. мы найдемъ нефонетич. k и g подъ вліяніемъ другихъ падежей вм. ожидаемыхъ c и j, ср. зват. vṛ́ka при им. vṛ́ka-s «волкъ», bhága при им. bhága-s «покровитель, богатство, счастье»). Существованіе въ индоевроп. праязыкѣ основъ на о ж. р. не доказано; на основаніи фактовъ, представляемыхъ греч. и лат. яз., гдѣ извѣстны основы на о ж. р., нельзя сдѣлать этого вывода, такъ какъ примѣры изъ древнихъ яз. допускаютъ иное объясненіе; именно, большинство такихъ основъ могло получить форму ж. р. вторичнымъ путемъ: ἡ παρθένος «дѣвушка» является словомъ ж. р. по значенію; ἡ φῆφος «камешекъ» могло получить эту форму подъ вліяніемъ родств. по значенію ἡ πέτρα «скала», ἡ φηγός «дубъ» подъ вліяніемъ ἡ δρῦς «лѣсное дерево, особ. дубъ» и т. д.; ср. лат. fāgus «букъ» и лат. planta «растеніе», tilia «липа»; alvus «животъ, чрево», ср. caverna «ложбина, пещера»; colus «прялка» вообще слово 4-го склоненія и имѣетъ нѣкоторыя падежныя образованія по 2-му. Остается одно слово греч. ἡ νυός и лат. nurus «невѣстка»; измѣненіе этого слова по 4-му склоненію—новообразованіе подъ вліяніемъ socrus. По объясненію Бругмана это слово обозначало нѣкогда въ праязыкѣ «родственную связь по браку», и затѣмъ перешло къ конкретному значенію (родств. по корню древнеинд. snā́van — «узы, веревка», лат. nervus, греч. νεῦρον «жила», старослав. **сноуѭ, сновати**); для перехода отъ значенія «связывать, связь» къ обозначенію брачныхъ связей и родства по браку ср. греч. πενθερός «тесть» при πεῖσμα «канатъ».

Основы на о въ праязыкѣ были производными и непроизводными (съ точки зрѣнія соотношенія фактовъ въ эпоху распаденія); въ числѣ основъ на о были многочисленные различные типы, гдѣ о представляло окончаніе словообразовательнаго суффикса, напр., суф. to, no, mo (особенно продуктивны были отглагольныя прилагательныя съ этими суффиксами, ставшія причастіями; ср. слав. **битъ, данъ, везенъ, несомъ**,—въ двухъ послѣднихъ случаяхъ мы находимъ передъ элем. no, mo тематич. основу на е/о, не чистый корень) о datus, греч. δοτός, древнеинд.—tta—

напр., въ devá-tta-s «богомъ данный», гдѣ мы находимъ утрату индоевроп. d и переходъ звонкаго d въ глухое t, ср. обычное dattá-s, новообразованіе подъ вліяніемъ основы наст. вр. dad, напр., dad-más «мы даемъ», ср. dádā-mi «я даю»; относительно mo нужно замѣтить, что оно могло получиться въ праяз. и изъ mno, особаго звукового вида суффикса meno, являющагося въ греч. причастіяхъ medii на-μενος; др.-инд. прич. возвр. зал. на—māna, гдѣ a изъ o, чередов. съ e, по правилу Бругмана; для индоевроп. mno, откуда при изв. условіяхъ mo, ср. греч. субстантив. прилагат. βέλεμνον (первоначально значило «то, что мечутъ»), лат. alumnus «воспитанникъ» такого же происхожденія.

Основы на o въ праязыкѣ, а затѣмъ и въ отдѣльныхъ языкахъ получались иногда путемъ перехода въ этотъ классъ другихъ типовъ основъ; ср. при корневой основѣ ped/pod «нога» уже индоевроп. основу pedo/podo ср. р.: древнеинд. padá-m «мѣсто, гдѣ ступила нога, слѣдъ», греч. πέδον «земля, полъ», слав. **подъ** «полъ»,

Основы на o, гдѣ было именно o/e въ окончаніи основы, были въ праязыкѣ 1) nomina actionis и 2) nomina agentis (прилагательныя и существит.). Ср. греч. φόρος «подать» и φορός «тотъ, кто несетъ»; τόμος «разрѣзъ» и τομός «тотъ, кто рѣжетъ»; древнеинд. váha-s «плечевая часть ярма» (конкретное значеніе изъ болѣе древняго абстрактнаго) и vāhá-s «тотъ, который везетъ, упряжное животное». Соотношеніе по ударенію двухъ типовъ, поскольку оно сохранилось, старое, хотя и не исконное (при удареніи на окончаніи ждемъ слабый видъ корня); старое и соотношеніе o въ имени, e въ соотвѣтств. непроизв. глаголѣ; ср. слав. **возъ—везѫ**, греч. ὄχος, лат. veho, греч. φόρος, φορός, слав. **съ-боръ** при φέρω, **берѫ**. Въ отдѣльныхъ языкахъ, по связи именъ на o съ глаголами, могли проникать въ первыя и другіе звуковые виды основы: ср. р. потеки при теку, общеслав. **по-чьтъ** при **чьтѫ**, **видъ** при **виждѫ**; греч. τάφος «могила» при θάπτω «погребаю» и т. д.

b) Основы, оканчивавшіяся на ā, были въ праязыкѣ основами ж. р. Съ значеніемъ м. р. такія основы являются въ греч., лат., слав. въ силу позднѣйшаго измѣненія значенія: первоначально это были отвлеченныя или собирательныя имена; ср. слав. **слоуга**, **воѥвода**, р. старина (при старомъ значеніи «древность», новое «старикъ»), лат. scrība «писецъ», aurīga «возница», греч. νεανίας «юноша», ἀγρότης «сельскій житель» (въ греч. языкѣ замѣтьте новообразованіе въ им. ед. по аналогіи основъ м. р.).

Примѣры старыхъ основъ на ā съ отвлеченнымъ значеніемъ и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня: греч. φυγή, лат. fuga «бѣгство», старослав. **чрьта** (съ переходомъ отвлеченнаго значенія въ конкретное), дринд. janā «рожденіе», ср. греч. γονή съ o въ корнѣ при γόνος «рожденіе, дитя», ср. дринд. jána-m «рожденіе». Съ протяженнымъ звуковымъ видомъ ср. греч. λώπη при λοπός «оболочка, кора» ср. глаголъ λέπω «чищу». Основы на ā были основами ж. р. при основахъ на o: ср. др.-инд. áçvā при áçva-s «конь», греч. ἵππη въ ἱππη-μολγοί (названіе скиѳскаго племени) «доители кобылицъ», лат. equa; др.-инд.

vidhávā, лат. vidua, старослав. **въдова** (съ **ъ** изъ **ь**) при греч. ἠίθεος «холостой», лат. viduus «лишенный чего, овдовѣвшій». Старая основа на ā для обозначенія особи ж. р. безъ параллельной основы м. р. является въ греч. γονή, βανά, старослав. **жена**, др.-инд. gná «жена (бога)».

c) Основы на io, ie, i̯o, i̯e въ отдѣльныхъ индоевроп. яз. представляютъ ту любопытную черту, что на ряду съ ними въ извѣстныхъ падежныхъ формахъ являются основы на i, ī. Ср. въ лат. яз. при alius, Cornelius им. ед. alis, Cornelis; здѣсь, правда, они могутъ быть объяснены фонетически изъ alios, Cornelios (краткая гласная слога безъ ударенія исчезла); ср. ager изъ *agros, *agrs съ переходомъ r въ слоговое и съ развитіемъ далѣе новой самостоятельной гласной. Въ другихъ, однако, языкахъ (въ литовскомъ, въ германскомъ) такое i, ī надо признать старымъ. Прежде думали, что это i есть слабый звуковой видъ суфф. i̯o, но основы на o вообще не представляютъ чередованія сильнаго и слабаго звукового вида въ окончаніи основы. Такимъ образомъ, приходится i, ī считать здѣсь гласными, не имѣющими отношенія по происхожденію къ сочетанію i̯e/i̯o. Слав. имена типа **конь** (общеслав. konjь) могутъ быть объяснены въ им. ед. и изъ именъ на —is, при чемъ j въ им. былъ бы введенъ изъ косвенныхъ падежей, гдѣ было старое i̯o. Въ древнеинд. яз. соотв. основы въ Ведахъ по указанію метра представляютъ еще i слоговое. Многочисленны основы на i̯o въ качествѣ прилагательныхъ, частью производныхъ отъ разныхъ другихъ основъ; ср. древнеинд. yájya-s «долженств. быть почитаемымъ, священный», греч. ἅγιος, древнеинд. vḗdya-s «долженствующій быть узнаннымъ», ср. церковнослав. **вѣждь** «знающій», лат. eximius «выдающійся»; въ древнеинд. яз. была продуктивна разсматриваемая категорія въ качествѣ причастій буд. вр. съ страдат. значеніемъ. Ср. далѣе отыменныя прилагательныя древнеинд. áçvya-s «конный», греч. ἵππιος, ср. áçva-s, ἵππος; древнеинд. mártya-s «смертный [1]), человѣкъ», лат. somnium «сновидѣніе» при somnus «сонъ», субстантив. прилаг., какъ и церковнослав. **сънниѥ** при **сънъ**; ср. еще старослав. **чловѣчь, овьчь, божии** и т. п. Въ ж. р. мы находимъ въ субстантив. прилаг. iā, i̯ā, ср. древнеинд. ityā́ «ходъ», но въ лат. въ ср. р. comitium, initium; греч. πενία «бѣдность, нужда», старослав. **лъжа** при **лъжь** и т. п.

d) Основы на i, чередовавшіяся съ дифт. ei̯, въ протяженномъ звуковомъ видѣ ēi̯. Ср. древнеинд. agní-s «огонь», agné-s род. ед., гдѣ ē изъ дифт., agnáy-as им. мн., гдѣ ay изъ e—i̯, дифтонга, распавшагося на гласныя двухъ слоговъ передъ гласной въ началѣ падежн. суфф.; agná (мѣст. ед. вед. классич. санскр. agnáu, новообразованіе по аналогіи основъ на и), гдѣ ā изъ ēi̯, утратившаго неслоговую часть; ср. греч. πόλις «городъ» им. ед., πόλεις им. мн. изъ *πόλει̯ες, πόληϊ, аттич. πόλῃ, дат., по происхожденію мѣстн., гдѣ къ формѣ на η приставлено ι по аналогіи другихъ дат.-мѣстн. 3-го склоненія; лат. ignis «огонь», ignēs изъ *igne-es, *igneies; старослав. **пѫть**, род. **пѫти**, гдѣ

---

[1]) Греч. ἀμβρόσιος „безсмертный“, ср. древнеинд. márta-s „смертный“.

и изъ ei̯, а s отпало, им. мн. **пѫтиє**, гдѣ—**иє** изъ ei̯es, мѣст. ед. **пѫти**, гдѣ **и** изъ ēi̯.

Гласная i въ окончаніи основъ была окончаніемъ самихъ основъ, а также окончаніемъ цѣлаго ряда основообразовательныхъ суффиксовъ (напр., ti). Основы на i были муж., ж., ср. р. Послѣднія исчезли на слав. почвѣ, въ греч. яз. такое прилагат. на i, какъ ἴδρις «знающій» (гдѣ суфф. ri) имѣетъ ср. р. ἴδρι; въ лат. ср. mare, гдѣ e изъ i въ открытомъ концѣ слова, animal изъ *animāli. Основы муж. р. на i въ старослав. яз. сохранялись въ видѣ особаго типа въ формахъ склоненія, но въ дальнѣйшей жизни отдѣльныхъ славянскихъ языковъ они исчезали какъ отдѣльная категорія, смѣшиваясь съ основами м. р. на i̯o, частью же они, утрачивая форму муж. р., переходили въ склоненіе соотвѣтственныхъ основъ ж. р.; ср. р. зять, гость, склоняющіеся какъ конь; путь, сохранившее часть падежей по основамъ на i (пути) и р. мышь, ставшее словомъ ж. р., хотя въ народномъ говорѣ извѣстно и мышъ, мышá м. р.

Въ основахъ, оканчивающихся на i, ср. такія старыя индоевроп. основы, какъ древнеинд. основы: agní-s «огонь», лат. igni-s м. р., старослав. **огнь**, уже основа на i̯o (здѣсь, повидимому, индоевроп. суффиксъ ni); древнеинд. ávi-s «овца» м. и ж. р., греч. ὄϊς изъ ὄϝις, οἶς м. и ж. р., лат. ovi-s ж. р., старослав. **овь-цꙗ** съ нов. суф.; лат. mare «море», ср. старослав. **морѥ** (основа на i̯o).

Основы на i, являвшіяся распространеніемъ другихъ основъ: старослав. **пѫть**, ср. лат. pons «мостъ» при древнеинд. path-, pathí-, pánthān—«тропа, путь», греч. πόντο-ς «море», πάτο-ς «тропа, шагъ».

e) Основы, имѣвшія въ окончаніи u, были параллельны основамъ на i по чередованію гласныхъ въ окончаніи основы; ср. древнеинд., вед. sūnú-s им. ед. «сынъ», род. sūnó-s, гдѣ ō изъ дифт., им. мн. sūnáv-as, гдѣ av изъ индоевроп. e-u̯, звуковъ двухъ слоговъ, соотвѣтствующихъ въ положеніи передъ гласною старому дифтонгу не передъ гласной, мѣстн. ед. sūnáu, гдѣ au̯ изъ индоевроп. дифтонга съ долгой слоговой гласной; греч. πῆχυ-ς «локоть», род. πήχε(ϝ)ος, а по аналогіи основъ на i и πήχεως изъ πήχηος (въ основахъ на i формы типа πόλεως изъ πόληος—новообразованіе подъ вліяніемъ дат. (по происх. мѣстн. ед.) πόλῃ); ср. лат. manus «рука», род. ед. manūs, гдѣ—ūs изъ индоевр.—eu̯s или ou̯s; старослав. **сынъ**, род. ед. **сыноу**, гдѣ **оу** изъ—ou̯s, им. мн. **сынове**, гдѣ **ове** изъ eu̯, подъ вліяніемъ род. мн. **сыновъ**, гдѣ **ов** получилось фонетически, такъ какъ здѣсь за e + u̯(v) слѣдовала не мягкая гласная; мѣстн. ед. **сыноу**, гдѣ **оу** изъ индоевроп. дифтонга ōu̯.

На почвѣ слав. яз. основы на u̯, совпавъ съ основами на o въ им. и вин. ед. ч. м. р., рано стали съ ними смѣшиваться въ склоненіи; въ дальнѣйшемъ существованіи отдѣльныхъ славянскихъ яз. онѣ исчезали въ качествѣ самостоятельной категоріи склоняемыхъ словъ. Прилагательныя съ основами на u на славянской почвѣ осложнились новымъ суффиксомъ; ср. старослав. **лыгъкъ**, древнеинд. laghú-s, греч. ἐλαχύς.

f) Основы на ī и ū, распадавшіяся передъ гласной въ началѣ суффикса на ï—i̯, u—u̯, были первоначально основами ж. р., немногія

Государственный исторический библиотека

основы м. р., вѣроятно, измѣнили старую форму рода. Эти основы надо отличать отъ односложныхъ корневыхъ основъ на ī и ū (см. ниже). Примѣры: древнеинд. napti-s «потомокъ ж. р., дочь, внучка», ср. основу nápat «сынъ, внукъ», ср. лат. neptis основа на ī краткое; др-инд. çvaçrú-s «свекровь», греч. κνημίς «поножи» (род. κνημῖδος подъ вліяніемъ основъ на δ), ἰσχύς «сила» (род. ἰσχύος изъ ἰσχύϝος); старослав. **свекръ**, род. **свекрѣве**, **любы**, **любъве**. Въ лат. яз. такихъ основъ не сохранилось (ср. neptis «внучка» и socrus «свекровь» основы съ i и u краткими). Въ древнеинд. яз. старое склоненіе этихъ основъ сохранялось въ Ведахъ, а въ классическомъ санскритѣ онѣ подчинились вліянію основъ на ī «стянутое» по происхожденію (см. ниже); ср. вед. род. ед. nadyàs (по указанію метра надо читать nadías, nadíạs) «рѣки», tanvàs (читать tanúas, tanúạs) «тѣла» при классич. санскр. nadyás, tanvás, но въ именит. мн. nadyàs, tanvàs старыя формы (въ Ведахъ читать по указанію метра nadías, nadíạs, tanúas, tanúạs), а по этой аналогіи и при им. devī «богиня» (основа на ī въ им. ед. «стянутое», см. ниже) им. мн. devyàs.

g) Основы на ē, iē, i̯ē ж. р., представленныя основами лат. 5-го склоненія на iē, кромѣ основъ diēs, rēs и spēs (гдѣ старыя основы на дифт. съ долгой слоговой гласной см. ниже) и основами литовск. яз., гдѣ ē и i̯ē должны были дать одинаково ė (т.-е. ē закрытое), напр., лит. žẽmė («земля»); на слав. почвѣ основы на i̯ē, если и были получены, не могутъ быть отличаемы отъ основъ на i̯ā (ср. старослав. **ѯемлꙗ**), такъ какъ ē послѣ мягкаго неслогового звука давало на слав. почвѣ ā, въ греч. яз. остаткомъ этихъ основъ является несклоняемое χρή «нужно, должно».

h) Основы ж. р. на ī «стянутое» въ им. ед. и на iā, i̯ā въ прочихъ падежахъ надо отличать отъ основъ на ī, разсмотрѣнныхъ выше, а въ другихъ основахъ на iā, i̯ā это iā, i̯ā проходило по всѣмъ падежамъ. На ī въ им. ед. именъ, о которыхъ идетъ рѣчь, указываютъ различные индоевроп. языки, тогда какъ греч. яз. имѣетъ здѣсь основы на общегреч. i̯α, ср. др-инд. bháranti «несущая», старослав. **несѫщꙗ** и греч. φέρουσα изъ *φέροντι̯α. Мнѣніе однихъ ученыхъ состоитъ въ томъ, что индоевроп. ī другихъ языковъ есть результатъ стяженія индоевроп. iə, сохранившагося нестянутымъ въ греч. яз., но, м. б., здѣсь было старое различіе между iə и i̯ə; послѣднее не стягивалось. По другому пониманію греч. основы получали въ им. ед. общегреч. сочетаніе i̯α по аналогіи такихъ им., какъ μέριμνα «забота», δίαιτα «жизнь», гдѣ α изъ ə, ср. вед. им. ед. ср. dhartári «опора», которое считаютъ по происхожденію отвлеченнымъ именемъ ж. р. Наконецъ, Бругманъ вновь возобновляетъ свое старое объясненіе, по которому греч. i̯α въ им. ед. получилось подъ вліяніемъ вин. п. i̯αν, гдѣ эта старая форма изъ инд. iα̯m, на которую указываютъ кельтскіе языки; однако въ греч. яз. нужно предположить замѣну i̯α, которую мы бы ждали изъ этого окончанія въ вин. ед., окончаніемъ i̯αν подъ вліяніемъ другихъ вин. ед. на ν. Латинскій яз. утратилъ разсматриваемыя основы и такія имена, какъ victrīx

«побѣдительница», представляютъ старый им. ед. на ī + x, новый суффиксъ; ср. др-инд. им. ед. dātrī́ при dā́tar — (им. ед. dātā́ «даятель»), греч. δότειρα изъ *δότερια при δοτήρ «даятель». Въ древнеинд. вин. ед. такихъ основъ оканчивается на—īm, что, повидимому, есть извѣстное новообразованіе. Основы ж. рода на ī «стянутое» были основами ж. р. при различныхъ основахъ м. р. на согласныя, на u, частью и на o, ср. др-инд. vṛ́kī «волчица» при vṛ́ka-s «волкъ», и старослав. **вльчица** (гдѣ новый суффиксъ **ца**) при **влькъ**.

i) Основы на согласныя. Здѣсь мы разсмотримъ производныя основы: 1) на er, ter, гдѣ e чередовалось съ o. Это имена родства и имена дѣйствующихъ лицъ (nomina agentis); послѣднія имѣли только ter/tor. Это былъ нормальный сильный звуковой видъ суффикса; слабый звуковой видъ являлся въ видѣ tr, tar, а tēr, tōr были такъ называемымъ протяженнымъ звуковымъ видомъ. [Сильный звуковой видъ суффикса являлся искони въ сильныхъ падежахъ, а слабый въ такъ называемыхъ слабыхъ падежахъ. Къ первой категоріи принадлежали: им. и вин. ед. ч. не ср. р., им. и вин. двойств. чис. не ср. р., им. мн. ч. не ср. р. и им. и вин. мн. ч. ср. р. Всѣ остальные падежи были слабыми, при чемъ въ вин. мн. не ср. р., им. и вин. ед. ч. ср. р. и мѣстн. ед. допускался и сильный звуковой видъ. Тѣ суффиксы, которые имѣли 3 звуковыхъ вида, имѣли протяженный звуковой видъ въ им. ед. ч. не ср. р. и им. вин. мн. чис. ср. р. (въ этой послѣдней формѣ только частью). Переносился онъ затѣмъ иногда и въ другіе не слабые падежи. Съ старымъ различіемъ въ звуковыхъ видахъ было связано и вызвавшее его первоначальное различіе въ мѣстѣ ударенія (въ слабыхъ падежахъ оно падало на окончаніе падежной формы). Это различіе лучше всего сохранилось въ односложныхъ корневыхъ основахъ, гдѣ нѣкогда чередовались звуковые виды самаго корня, въ древнеинд. и греч. яз., но и здѣсь не всюду. Въ основахъ съ суффиксами оно сохранилось лишь частью, ср. древнеинд. основы на (t)ar, греч. основы на (τ)ηρ, ср. πατήρ, но πατρός. Въ древнеинд. яз. удареніе въ слабыхъ падежахъ, гдѣ суффиксъ начинается съ согласной, у многосложныхъ основъ является, однако, уже на окончаніи основы, ср. pitŕ̥ дат. ед., но pitr̥̄́ṣu мѣстн. множ.]. Ср. древнеинд. основу pitár—«отецъ» (им. ед. pitā́, вин. ед. pitár-am, мѣстн. множ. pitr̥̄́-ṣu, дат. ед. pitr-é); греч. πατήρ, вин. πατέρα, πατρός, πατράσι; лат. pater, patris (здѣсь во всѣхъ падежахъ, кромѣ им. ед., проведенъ слабый звуковой видъ); ср. древнеинд. основу mātár—«мать», греч. μήτηρ, лат. māter, слав. **матн**, род. ед. **матер-є**, гдѣ, какъ и въ другихъ падежахъ, мы находимъ сильный звуковой видъ; др-инд. bhrā́tar—греч. φρατηρ, φράτωρ (неаттич. діал.) «членъ фратріи», лат. frāter, а старослав. **братръ**, **братъ** уже перешло въ склоненіе основъ на o; др.-инд. svásar—«сестра», вин. ед. svásār-am (ā здѣсь и въ другихъ сильныхъ падежахъ разсматриваютъ какъ ā изъ o, но тѣ ученые, которые не вѣрятъ въ законъ Бругмана, видятъ здѣсь перенесеніе ā изъ им. ед.; почему его, однако, нѣтъ въ pitáram, и почему удивительное совпаденіе: въ одномъ случаѣ старое o (ср. лат. soror, ōris, гдѣ въ косвенные падежи перенесено ō,

и греч. ἔορ-ες им. мн. = древнеинд. svásār-as, но по значенію это «родственники» (такъ объясняется это слово въ словарѣ Гезихія), а въ другомъ е (ср. греч. πατέρα); старослав. **сестрꙗ** уже основа на ā). Примѣры основъ nom. agentis: древнеинд. dátár—«даятель»-, греч. δώτωρ и δοτήρ, лат. dator-, ōris (и здѣсь въ косв. падежи перенесено ō изъ им. ед., а въ им. ед. передъ r здѣсь уже ŏ); въ сильн. падежахъ въ древнеинд. яз. является dátār- (dátāram вин. ед.), что объясняется какъ вин. ед. svásāram. Въ ж. родѣ мы находимъ здѣсь въ им. ед. ī: др-инд. dātrī́, ср. греч. δότειρα изъ *δότερια, на то же образованіе указываетъ и лат. victrīx при victor «побѣдитель». Въ формѣ ср. р. мы находимъ въ древнеинд. яз. въ им.-вин. ед. ч. dātr̥. Въ мѣстн. ед. мы находимъ въ разсматриваемыхъ именахъ указаніе и на средній звуковой видъ (ter) суффикса, ср. др-инд. pitári, dátári. Въ зват. формѣ ед. ч. мы находимъ, какъ и въ другихъ основахъ съ 3-мя звуковыми видами суффикса основы, сильный звуковой видъ (въ основахъ съ 2-мя звуковыми видами былъ тоже сильный звуковой видъ; ср. др-инд. pítar, dátar, греч. πάτερ, δῶτορ).

Относительно чередованія e/o въ разсматриваемомъ суффиксѣ надо замѣтить, что, повидимому, указаніе на старую зависимость отъ положенія ударенія сохранилъ греч. яз. такими формами, какъ δοτήρ и δώτωρ, πατήρ и εὐπάτωρ. Указанія на чередованія e/o въ предѣлахъ одного парадигма даютъ опредѣленно балтійскіе яз. (лит. sesu̇̃ им. ед. «сестра», гдѣ u̇̃ обозначаетъ такъ называемую сложную гласную, т.-е. исконное сочетаніе двухъ гласныхъ одного слога uo, произносящееся въ различныхъ діалектахъ различно и получившееся изъ стараго ō; род. ед. seserš, гдѣ старое e).

Основамъ на ter на славянской почвѣ соотвѣтствуютъ основы на tel, сохранившія свое согласное склоненіе въ им. мн. ч. (ср. старослав. **дѣлатєлє**, род. мн. **дѣлатєлъ**, форма не характерная, тв. **дѣлатєлы**, какъ **рабы**, вин. мн. **дѣлатєлѧ**, какъ **конѧ**, ед. ч. **дѣлатєль**, какъ **конь**, а подъ вліяніемъ ѧ въ ед. ч. и въ вин. мн. и им. мн. **дѣлатєлє**). Это tel находится въ связи съ ter; ср. при суфф. tro старое tlo (греч. φέρτρον «носилки», древнеинд. bharítra-m «рука», лат. ferclom, ferculum «носилки», piāclom, piāculum «средство искупленія», гдѣ clo, culo изъ общеит. tlo; въ lucrum «выгода» мы находимъ tro по диссимиляціи съ начальнымъ l).

2) Индоевроп. основы на en (men, u̯en, i̯en, ten, den, ĝen) представляли въ гласной суффикса тѣ же отношенія, что и основы на ter (протяж. видъ ēn/ōn, сильный en/on, слабый n, n̥). Ср. древнеинд. rā́jā «царь» им. ед., вин. ед. rā́jānam (здѣсь ā, вѣроятно, имѣетъ начало въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ было старое o, т.-е. получилось по закону Бругмана; другіе ученые объясняютъ здѣсь перенесеніемъ изъ им. ед. протяж. звуков. вида; мѣст. ед. rā́jani и rā́jñi съ слабымъ звуковымъ видомъ), дат. ед. rā́jñē, мѣстн. мн. rā́jasu, гдѣ a изъ n̥; греч. φρήν, φρενός «грудобрюшная преграда, разумъ», ἄφρων, ονος «неразумный», лат. homō, вин. hominem, древнелат. hemō, hemōnem, гдѣ въ классич. яз. слабый звуковой видъ in изъ en и далѣе n̥; consedō-ōnis «тотъ, кто сидитъ вм. съ другимъ»; греч. αἰ̯ϝών, ῶνος «вѣкъ» съ распространеніемъ

протяженнаго звукового вида и нарѣчіе $a^{i}\digamma\acute{\epsilon}\nu$, гдѣ мы находимъ старый безсуффиксный мѣстн. ед. съ сильнымъ звуковымъ видомъ en; ср. далѣе др.-инд. основу ср. р. vidmán — «знаніе» (корень vid + суфф. man = индоевроп. men, корень на слабой звуковой ступени, сильный его звуковой видъ ɐeid, ɐoid, древнеинд. vēd-, ср. véda «я знаю», — по происхожд. perfectum), греч. $\digamma o\tilde{\iota}\delta a$, старослав. **вѣдѣ**; греч. $\pi o\iota\mu\acute{\eta}\nu$, $\acute{\epsilon}\nu o\varsigma$ «пастухъ», $\tau\lambda\eta\mu\omega\nu$, $o\nu o\varsigma$ «терпящій, выносливый»; лат. termō, ōnis «пограничный знакъ, граница, предѣлъ», ср. греч. $\tau\acute{\epsilon}\rho\mu\omega\nu$; ср. еще греч. $o\dot{\upsilon}\rho a\nu\acute{\iota}o\nu\varepsilon\varsigma$ «небожители», лат. commūniō, ōnis «сообщничество», др-инд. arcín — «блестящій», гдѣ проведенъ слабый звуковой видъ суффикса in, а по аналогіи основъ на an и въ им. ед. м. р. появилось arcī, въ мѣстн. множ. arcíṣu; др.-инд. tákvan- (корень tak «спѣшить», ср. старосл. **текж**) «спѣшащій», въ греч. яз. ср. изолированныя ф. дат. ед. отглагольн. именъ съ суфф. ɐen въ качествѣ inf. $\delta\acute{o}\digamma\varepsilon\nu a\iota$ атт. $\delta o\tilde{\upsilon}\nu a\iota$, ср. др.-инд. dāvánē, лат. glūten, inis (ср. р.) имѣетъ основу на ten (ср. греч. $\gamma\lambda o\iota\acute{o}\varsigma$ «клейкая жидкость»), vorāgō, inis «пучина» (ж. р.) имѣетъ суфф. gen, на слав. почвѣ ср. **конꙁнь**, **оукорнꙁна**, утратившія уже склоненіе основъ на n; греч. $\mu\varepsilon\lambda\eta\delta\acute{\omega}\nu$, — $\tilde{\omega}\nu o\varsigma$ (іонич. — $\acute{o}\nu o\varsigma$) «забота», лат. rubēdō «краснота», указываютъ на старое den и т. д.

Основы разсматриваемаго класса ср. р.: др.-инд. náman — «имя» (им. ед. náma, гдѣ a изъ $a\underset{\circ}{n}$, мѣстн. ед. námani, námni, мѣст. мн. námasu, им. мн. námān-i (гдѣ i есть суффиксъ им. мн. ср. р. = индоевр. ə), а вед. námā (гдѣ ā объясняется такъ же, какъ ā въ им. ед. м. р. соотв. основъ), гр. $\ddot{o}\nu o\mu a$, $a\tau o\varsigma$, гдѣ старая основа на носовую перешла въ основу на t ($a\tau$ изъ $a = a\underset{\circ}{n} + t$), лат. nōmen, inis, гдѣ en въ им. ед. изъ $a\underset{\circ}{n}$ или, можетъ быть, изъ ēn, протяженнаго звукового вида.

Основы ж. р. къ основамъ на en образовывались при помощи ī «стянутаго»: древнеинд. rā́jñī «царица», греч. $\tau\acute{\epsilon}\kappa\tau a\iota\nu a$ при $\tau\acute{\epsilon}\kappa\tau\omega\nu$ «плотникъ» изъ $\tau\acute{\epsilon}\kappa\tau a\nu\iota a$. Относительно основъ на en ср. р. надо замѣтить, что такая основа являлась въ этихъ именахъ въ части падежей на ряду съ другою основою въ другихъ падежныхъ формахъ; ср. лат. jecur, jecinoris «печень», гдѣ въ род. старая основа на en распространена дальше элементомъ or, а въ им. вин. ед. ч. ср. р. jecur изъ jecor, ср. съ др-инд. yákṛt (род. yaknás), греч. $\acute{\eta}\pi a\rho$ $\acute{\eta}\pi a\tau o\varsigma$, гдѣ старая основа на $a\underset{\circ}{n}$ распространена элементомъ t.

На славянской почвѣ мы находимъ остатки согласныхъ основъ на n въ основахъ на t въ именахъ существительныхъ, при чемъ t является здѣсь не самостоятельнымъ формальнымъ элементомъ, а осложненіемъ (уже старымъ) основъ, оканчивавшихся на n. Мы находимъ имена, обозначающія дѣтей и дѣтенышей животныхъ, типа старослав. **отроуа, жрѣка** (род. ед. на **-ате** и т. д.), ср. р. жеребенокъ, гдѣ старая основа на en распространена суффиксомъ **-ъко-**; ср. далѣе старослав. **отрокъ, жрѣбьць**. Въ русскомъ языкѣ ят = старослав. **ат** является во мн. ч. жеребята, телята и т. д.

Основы на n, распространеніе которыхъ элементомъ t мы только что разсматривали, представлены на славянской почвѣ слѣдующими ти-

пами. Во-первыхъ, мы находимъ имена съ суффиксомъ (e) n, при чемъ уже въ старослав. языкѣ ни одно изъ относящихся сюда словъ не сохранило стараго склоненія полностью. Лескинъ въ своей грамматикѣ (Handbuch der altbulgarischen Sprache[5], § 41) указываетъ, что съ наибольшею полностью сохранились старыя формы у основы **дьн-**, перешедшей, какъ и другія основы этого типа, въ нѣкоторыхъ падежахъ въ основы на i (по-русски, напр., въ связи съ утратою основъ на i муж. р., какъ особой категоріи, слово день склоняется какъ конь); ср. им. ед. **дьнь**, тв. ед. **дьнь**мь и др. Сюда же принадлежитъ, напр., общеслав. jelenь (старослав. род. ед. **ѥлене**, но им. **ѥлень**), ср. литовское élnis «олень». Ср. далѣе общеслав. pьrstenь (старослав. **прьстень**, р. перстень) при **прьстъ** и нѣкоторыя другія имена.

Во-вторыхъ, на почвѣ славянскихъ языковъ сохранились въ остаткахъ старыя основы съ суффиксами men/mon муж. и ср. р. Въ праязыкѣ здѣсь были въ соотвѣтствіи съ простымъ en еще звуковые виды mēn/mōn и mn̥, mn̥. Въ основахъ м. р. старый им. ед. (въ значеніи и вин. ед.) сохранился въ старослав. **камы, пламы** (Супрасльск. рукоп.) при новообразованіи **камень, пламень**, при чемъ слав. **ы** здѣсь изъ индоевроп. ō съ прерывистой долготой въ окончаніи им. ед. ō, существовавшемъ при ōn (стр. 49 «Фонетики»). Основы эти въ прочихъ падежахъ представляли суффиксъ въ видѣ en (ср. р. камень, слав. **камѧ**). Основы ср. р. оканчивались въ им., вин. ед. на общеслав. ę, ср. imę, род. imene, sѣmę, род. sѣmene и др., гдѣ мы находимъ старый суффиксъ съ гласной e. Въ лат. яз. ср. nōmen, inis «имя» (родственное, но не тожественное по звуковому виду корня съ соотвѣтственнымъ славянскимъ словомъ), sēmen, inis «сѣмя» представляетъ лат. men, которое можетъ восходить одинаково къ старому men и старому mn̥. Суффиксъ men въ его различныхъ видахъ былъ и въ именахъ первичныхъ (ср. общеслав. основу kamen-), и въ именахъ вторичныхъ (ср. общеслав. vymen-, р. вымя, -ени, гдѣ другіе языки указываютъ на другія основы).

Въ-третьихъ, мы находимъ основы такого типа, какъ старослав. **гражданинъ** въ им. мн. **граждане**, род. мн. **гражданъ**, мѣстн. мн. **гражданѣхъ**; въ ед. ч. является осложненная новымъ формальнымъ элементомъ основа: **гражданинъ**; обычно, однако, такія основы во мн. ч. образуютъ въ старослав. яз. падежи частью по типу основъ на o; напр., въ вин. мн. **граждане**. Элементъ ino, являющійся въ **гражданинъ** и т. п., какъ осложненіе старой основы на n, тотъ же, который мы находимъ, напр., въ слав. **жидовинъ, комринъ** и др., въ латинск. vīcīnus «сосѣдній». На славянской почвѣ суффиксъ ian (**граждане** изъ общеслав. gordjane) мы находимъ въ именахъ, обозначающихъ положеніе, происхожденіе, народность и т. п. Индоевропейскій видъ этого суффикса былъ iōn (протяженный звуковой видъ), и его мы находимъ и въ лат. именахъ на iō, iōnis: ср. centuriō, iōnis «центуріонъ, т.-е. сотникъ», ср. centuria. Въ лат. яз. съ этимъ суффиксомъ являются также отвлеченныя имена ср. р. (частью съ позднѣйшимъ конкретнымъ значеніемъ), ср. regiō, ōnis «направленіе, линія, область».

3) Суффиксомъ основъ причастій не перфекта дѣйств. зал. было сочетаніе nt послѣ гласной въ окончаніи основы, въ нетематич. спряженіи при согласной въ окончаніи основы подъ удареніемъ ént и a̯nt (слабый звуковой видъ), при удареніи не на суфф. причастія послѣ согласной было въ окончаніи основы прич. a̯nt. Въ нетематич. спряженіи (гдѣ основа не имѣла въ окончаніи гласной o/e) ср. др.-инд. s-ánt- отъ корня индоевроп. es/s, др.-инд. as/s «быть» (ánt изъ ónt), s-at- въ слабыхъ падежахъ (им. ед. м. р. san изъ *sants), вин. ед. sántam, мѣстн. ед. satí, зв. ф. san изъ *sant, ср. р. им. ед. и вин. ед. ч. sat и т. д.; въ нетематическомъ спряж. послѣ гласной ср. др.-инд. yā- nt- (корень yā «идти»), им. ед. м. р. yān, вин. ед. yántam, а въ слабыхъ падежахъ по аналогіи чередованія sant: sat появилось yāt-, напр., мѣст. ед. yātí; въ нетематич. спряженія отъ основъ удвоенныхъ, гдѣ удареніе падало на слогъ удвоенія, ср. др.-инд. dád- at- (отъ корня dā «давать», основы praes. съ удвоеніемъ въ слабомъ видѣ, съ утратою индоевр. e, древнеинд. dad-), им. ед. м. р. dádat, мѣстн. ед. dádati. Въ тематич. спряженіи ср. др-инд. bhárant-, bhárat- отъ основы bhára- (корень bhar «нести»), tudánt-, tudát- отъ основы tudá- (корень tud «ударять»); им. ед. bháran, tudán, вин. ед. bhárantam, tudántam, мѣст. ед. bhárati, tudati, им. вин. мн. ч. ср. р. bháranti, tudánti и т. п. Здѣсь возникаетъ вопросъ, насколько старымъ является индійское чередованіе двухъ видовъ въ окончаніи основы прич. тематич. спряж. (древнеинд. ant и at); не есть ли оно новообразованіе; если же оно получено изъ праязыка въ видѣ ont/a̯nt, то нашло бы себѣ объясненіе лат. dicens, -entis и т. п., которыя могли бы имѣть ent изъ a̯nt; въ лат. яз. этотъ слабый видъ проникъ бы и въ сильные падежи; если же въ праязыкѣ не было такого чередованія въ тематич. прич., то приходится лат. ent объяснять старымъ различіемъ между ont и ent въ тематич. причастіяхъ. Остатками образованій прич. отъ основъ нетематич. являются лат. iens (но euntis уже по тематич. типу), гдѣ мы ждали бы собственно *jens, форма же iens объясняется вліяніемъ сложеній: abiens и т. п., гдѣ i изъ i̯ послѣ согласной; сюда же принадлежитъ по происхожденію и лат. praesens, entis «присутствующій», по происхожденію причастіе отъ корня es/s въ сложеніи съ приставкою. Въ amans, -antis, timens, -ntis передъ nt сократилась долгая гласная въ окончаніи основы фонетически.

Въ греч. яз. ср. образованія типа διδόντ- (им. ед. διδούς изъ *διδοντς) (корень δω̄), гдѣ долгая гласная сократилась въ положеніи передъ ν + согласная фонетически, τιθείς, έντος (им. ед. изъ *τίθεντς) къ τίθημι и т. п. Отъ корня és/s греч. яз. имѣетъ образованіе ἐών, ὤν, όντος по тематич. типу; остаткомъ нетематич. образованія является здѣсь форма ж. р. ασσα изъ sa̯nti̯ə, напр., въ прозвищѣ Деметры Ἐπίασσα, а также дорич. ἐντ- въ основѣ прич. = древнеинд. sánt-. Въ греч. тематич. спряженіи ср. φέρων, οντος, гдѣ ων въ им. ед. м. р. неяснаго происхожденія; врядъ ли это индоевроп. формы на ōnt, скорѣе это новообразованіе къ ср. р. φέρον по аналогіи отношенія πίων, πῖον «жирный».

Въ формѣ ж. р. мы находимъ образованіе на индоевр. ī въ им. ед., греч. ια; ср. др.-инд. bhárantī, tudántī и tudatī, satī и т. п. Ср. греч. φέρουσα, διδοῦσα изъ φέροντια, διδόντια.

Въ слав. яз. сохранился только типъ причастій отъ основъ тематич. спряженія (**сы, сѫшта**, какъ **несы, несѫшта**), при чемъ уже въ общеслав. яз. основа прич. на nt была распространена по аналогіи основъ на io (старослав. род. ед. **несѫшта** имѣетъ **шт** изъ ti), въ ср. р. перенесено **несы** изъ м. р., а здѣсь **ы** изъ -ontis; въ формѣ ж. р. **несѫшти** является старая форма на ī, но **шт** взято изъ косвенныхъ падежей. У глаголовъ съ основами на i мы имѣемъ **хвала, хваляшти**, гдѣ **я** изъ in; не смѣшивать съ типомъ **дѣлаѭ, дѣлаѭшта**, гдѣ **ѭ** въ им. ед. аналогично **ѭ** въ вин. мн. ч. именъ типа **конь** (см. образованіе вин. мн. ч.).

4) Въ причастіяхъ отъ основъ perf. былъ въ индоевроп. праязыкѣ суффиксъ ues, uos, частью uot; въ протяженномъ звуковомъ видѣ было uēs, uōs, въ слабомъ звуковомъ видѣ us. Въ древнеинд. яз. въ сильныхъ падежахъ въ окончаніи основы причастія perf. мы находимъ новообразованіе (vā̆s изъ vāns), гдѣ n, мож. б., подъ вліяніемъ основъ на vant (см. ниже), ср. им. ед. м. р. vidvā́n (отъ основы perf. въ слаб. звуковомъ видѣ vid, въ сильномъ звуковомъ видѣ она является въ 1-мъ л. ед. ч. vēda «я знаю»), вин. ед. vidvā́sam, им. вин. мн. ч. ср. р. vidvā́si, зват. vídvan (новообразованіе при ведійск. vídvas), им. вин. ед. ч. ср. р. vidvā́t; то же at проникло и въ слабые падежи, гдѣ суффиксъ начинается съ согласной, напр., тв. мн. vidvádbhis, въ падежахъ слабыхъ, гдѣ суфф. начинается съ гласной мы имѣемъ vidúṣ-, напр., мѣст. ед. vidúṣi. Въ греч. яз. ср. εἰδώς «знающій» изъ εἰδϝώς, гдѣ находимъ протяжный звуковой видъ (индоевроп. vōs), ср. р. εἰδός, род. εἰδότος, изъ индоевроп. uot.

Жен. родъ и здѣсь образовывался при помощи ī «стянутаго», ср. др.-инд. vidúṣī, греч. εἰδυῖα изъ εἰδυσια, при формахъ типа γεγονεῖα при γεγονώς (при γέγονα «я рожденъ») изъ *γεγονϝεσια.

Общеславянскій суффиксъ въ причастіяхъ прошедшаго времени дѣйствительнаго залога представляетъ собою распространеніе элементомъ io по аналогіи основъ, гдѣ этотъ суффиксъ былъ полученъ, стараго суффикса причастій перфекта (индоевроп. us) въ его слабомъ звуковомъ видѣ. Общеслав. nesъ представляетъ, такимъ образомъ, им. ед. съ суффиксомъ us въ слабомъ звуковомъ видѣ, въ род. ед. nesъša мы находимъ š изъ si. Послѣ гласной является въ разсматриваемыхъ причастіяхъ еще v (nesъ, vedъ, но davъ, gorěvъ); о происхожденіи этого v сказать что-либо окончательно нельзя; думаютъ, что это—слѣдъ u, существовавшаго въ разсматриваемомъ суффиксѣ въ сильномъ и протяженномъ звуковомъ видахъ (uos, uōs) и перенесеннаго на слабый звуковой видъ. Сильный звуковой видъ uos (а въ прязыкѣ было и ues) могъ сохраниться въ общеслав. nesъ, vedъ, какъ им. ед. сред. р., причемъ послѣ согласной мы находимъ os подъ вліяніемъ us, а послѣ гласной, наоборотъ, сохранилось uos (davъ) и передало свое u дальше. Относительно глаголовъ съ основою на i слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь

были оба типа съ v и безъ v, ср. старослав. **хвалѣ** и **хвалнвъ**. Им. мн. ч. м. р. старослав. nesъšе сохранилъ старое окончаніе им. мн. по согласному типу. Форма ж. р. въ разсматриваемыхъ причастіяхъ оканчивалась на ī: ср. старослав. **несъшин** и т. п.

5) Основы на ụent были отыменными прилагательными, обозначавшими обладаніе чѣмъ-либо и что-ниб. въ родѣ чего-ниб., обозначеннаго соотвѣтственною именною основою. Слабый звуковой видъ былъ ụạnt, въ им. ед. м. р. являлся протяженный звуковой видъ. Ср. др.-инд. ápavant—«водянистый» (ap̄ — «вода»), гр. ὀπόεις, εντος «сочный»; въ древнеинд. яз. протяжн. звуковой видъ является въ им. ед. м. р. ápavān. [Мож. быть, въ древнеинд. яз. мы имѣемъ здѣсь не индоевр. ūents, а контаминацію стараго ụās въ им. ед. (изъ ụēs), на котор. указываетъ яз. Авесты, съ тѣмъ vant, которое было въ сильныхъ падежахъ. Однако, въ Ведахъ извѣстно въ им. мн. ср. р. vānti, гдѣ именно протяжный звуковой видъ.] Въ прочихъ сильныхъ падежахъ только сильный звуковой видъ (ápavantam вин. ед.), ср. въ слабыхъ падежахъ ápavati мѣст. ед., въ зват. ед. ápavat, вед. ápavas. Въ греч. языкѣ проведенъ въ склоненіи сильный звуковой видъ ụent, но въ дат. мн. ὀπόεσι мы находимъ ϝετ, гдѣ ε вм. *α* изъ ạn̥ подъ вліяніемъ сильнаго звукового вида εντ, ср. далѣе ж. р. ὀπόεσσα. Въ лат. яз. основы съ этимъ суфф. въ слабомъ звуковомъ видѣ были распространены суфф. to, и получился суффиксъ ōsus, напр., verbōsus, гдѣ ōsus изъ -o (въ окончаніи самой именной основы verbo-) + ụent—to (a tt еще въ празыкѣ дали ct, откуда по-латыни ss, послѣ долгой гласной s); лат. formōsus, къ forma, представляетъ уже распространеніе готоваго суффикса ōsus изъ основъ, образованныхъ отъ основъ на o.

Въ древнеинд. яз. суфф. vant/vat былъ параллеленъ суфф. mant/mat, ср. paçumān, paçumántam, paçumáti и т. д. «обладающій скотомъ».

6) Основы на s, os/es, is, us, vs. Элементъ s, повидимому, связанъ по происхожденію съ элементами os/es, являясь ихъ слабымъ звуковымъ видомъ; элементъ əs представляетъ соединеніе v въ окончаніи двухсложныхъ базъ + s, а въ основаніи элементовъ is, us лежатъ i и u въ окончаніи основъ на i и u + s, ср. греч. ϝέτος «годъ» и древнеинд. vats-á-s, гдѣ основа на s распространена элементомъ o; греч. κρέας «мясо», древнеинд. kravíṣ- и древнеинд. krūrá-s «окровавленный», гдѣ krū есть слабый звуковой видъ основы при kravi-; др.-инд. mádhuṣ—«сладость»» при mádhu «нѣчто сладкое, медъ».

Основы на es/os были основами ср. р. съ отвлеченнымъ значеніемъ, рѣдко основами не средняго р.; въ прилагательныхъ мы находимъ основы не ср. и ср. р. Ср. основу ср. р. древнеинд. jánas- (им. ед. jánas, род. ед. jánas-as), греч. γένος, γένους изъ *γενεσος, лат. genos, genus, -eris. Въ основахъ ср. р. въ им. вин. ед. ч. было os, въ другихъ падежахъ es. Кромѣ им. вин. мн. ч., гдѣ было ōs, ср. др.-инд. jánāṣi, новообразованіе вм. *jánāsi подъ вліяніемъ—vanti и manti въ основахъ на vant и mant. Основа на s представлена, напр., др.-инд. bhās,—тв. ед. bhās-á (ср. р., позже ж. р.) «свѣтъ» (ср. bhá-ti «онъ свѣтитъ»),

гр. φώς, φωτός м. р. въ значеніи «благородный мужъ», мож. быть и старой основой bhō-t; основа на os не средняго рода, имѣвшая въ им. ед. ōs: др.-инд. uṣás «заря» ж. р., вин. ед. uṣásam и uṣásam (въ им. ед. старый протяженный звуковой видъ, а вин. ед. съ ā объясняется по правилу Бругмана, тогда какъ въ падежахъ, гдѣ въ окончаніи основы as, надо видѣть индоевроп. es). Ср. греч. Гомер. ἠώς изъ *āusōs, аттич. ἕως, лесб. αὔως, вин. ед. Гом. ἠῶ изъ *ἠοσα, род. ἠοῦς изъ *ἠόσος; αἰδώς ж. р., вин. ед. αἰδῶ изъ *αἰδόσα, род. αἰδοῦς; въ лат. яз. aurōra изъ ausōsa, гдѣ основа на os распространена элементомъ ā, ср. еще honōs, honōris м. р., а подъ вліяніемъ косв. пад. и въ им. honor, arbor, ōris ж. р. Съ прилаг. др.-инд. durmanās (им. ед. муж. и ж. р.) «дурно настроенный, печальный», греч. δυσμενής, ср. р. δυσμενές «враждебный» при др.-инд. mánas ср. р. «мысль», гр. μένος «гнѣвъ, сила»; простыя несложныя прилагат. ср. греч. ψευδής при ψεῦδος «ложь», др.-инд. yaçás— «славный» (им. ед. м. и ж. р. yaçás) при yáças ср. р. «слава». Основа на es: греч. κρέας, др.-инд. kravíṣ—«сырое мясо», ср. лат. cruor, cruōris, въ греч. яз. такія основы частью переведены въ основы на τ, ср. τέρας-ατος «чудо»; въ др.-инд. iṣ совпали какъ старое vs, такъ и старое is. Основа на is представлена основою: κόνις въ греч. Гом. κονίη «пыль» изъ *κονίση (κόνις «пыль» основа на i), ср. лат. cinis, cineris. Основа на us др.-инд. mádhuṣ- (см. выше) греч. δελφύς, ύος «утроба».

Основы средн. рода съ индоевроп. суффиксомъ os/es представлены на славянской почвѣ нѣкоторымъ количествомъ примѣровъ, а также надо принять во вниманіе и элементъ os въ сложномъ суффиксѣ os-ti, напр., **радость**. Старое склоненіе разсматриваемыхъ основъ съ наибольшей полнотой сохранилось въ старославянскомъ яз., тогда какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ онѣ перешли въ другіе типы склоненія, сохранивши частью свой характерный суффиксъ въ окончаніи основы. Ср. старослав. **нєбо** (въ общеслав. яз. nebo получило o подъ вліяніемъ мѣстоим. ср. р. to; изъ-os мы ждали бы ъ), **нєбєсє**, гдѣ суффиксъ основы уже въ видѣ es; въ русск. яз. небо въ ед. ч. перешло въ склоненіе основъ на o, а въ мн. ч. формы небеса и т. д. по общему типу основъ на o сохранили, однако, характерный слогъ ес; въ другихъ славянскихъ языкахъ аналогичныя отношенія: въ старослав. яз. новообразованія типа дат. **нєбоу**, твор. **нєбомь** еще рѣдки. Ср. далѣе старослав. **слово**, **словєсє** (корень тотъ же, что въ **слоути**), въ твор. ед. **словомь**, укрѣпившееся въ сопоставленіи съ **дѣломь** и распространенное дальше, при старомъ **словєсємь**; въ род. ед. **слова** при **словєсє**; частью встрѣчается и **словєси**, гдѣ само падежное окончаніе изъ основъ на i. Далѣе, старослав. **чоудо** (рус. чудо-чудеса), **люто** «трудъ» (ср. **лютъ**, **лютость**), **коло** (русск. коло-колесо, колеса); въ этомъ послѣднемъ словѣ падежныя формы по типу основъ на o могутъ быть старыя, такъ какъ изъ другихъ родственныхъ языковъ мы имѣемъ указаніе на старую основу на o (между прочимъ лат. colus «прялка» можетъ принадлежать частью сюда), да и гласная o въ корнѣ славянскаго слова указываетъ на старое смѣшеніе основы на o и на

os/es (послѣднія имѣли гласную е въ корнѣ, ср. **нєбо, чоудо** (старое eu̯), **слово** (старое е перешло въ о передъ v); равнымъ образомъ мн. ч. старослав. **ложєсна** указываетъ на старую основу на os/es, смѣшавшуюся съ основою на о въ **ложє**. Что касается словъ **око, оухо**, то здѣсь мы находимъ старыя основы на os/es (**око**, р. **очєсє**, мѣстн. **очєсє** (при **очєси**), им. мн. **очєса**, род. мн. **очєсъ; оухо**, тв. мн. **оушєсы**), гдѣ частью старыя формы замѣнены новообразованіями по аналогіи основъ на о (род. ед. **ока** и др.); но на ряду съ этимъ являются и образованія по типу основъ на і (**очи, оуши, очима** и т. д.), и въ данномъ случаѣ, м. б., мы имѣемъ дѣло съ старымъ явленіемъ, такъ какъ и другіе языки указываютъ здѣсь на старыя основы на і (ср. лат. auris «ухо», а въ лат. oculus «глазъ» корень тотъ же, что и въ старослав. **око**). Впрочемъ, **очи, оуши** могутъ быть объяснены и какъ им. вин. дв. ч. ср. р. согласныхъ основъ (см. ниже, въ отдѣлѣ объ образованіи двойств. ч.). Обратно, нѣкоторыя основы на о подчинились вліянію основъ на os/es; **око** и **оухо** повлекли за собою нѣкоторыя формы по согласному типу и у **тѣло** (род. **тѣлєсє**, мн. ч. **тѣлєса** и т. д. обыкновенно такъ (дат. **тѣломъ** рѣдокъ), ср. прилагат. русское тѣлесный), **лицє** (род. ед. **личєсє**), **дѣло** (род. ед. **дѣлєсє**) и др.; что касается характерныхъ формъ отъ **дрѣво** (р. ед. **дрѣвєсє, дрѣвєса** и др.), то здѣсь м. б. мы имѣемъ слѣдъ старины (Meillet, Études, p. 360) и нѣк. др.

7) Суффиксъ сравнит. степени прилагательнаго былъ i̯es/i̯os, частью ī̯es/ī̯os въ нормальномъ сильномъ звуковомъ видѣ, слабый звуковой видъ is, а протяженный съ долгою гласной (i̯ōs, ī̯ōs). Въ др-инд. яз. въ протяженномъ звуковомъ видѣ здѣсь такое же новообразованіе, какъ и въ прич. perf, т.-е. мы находимъ yā̯s. Ср. др-инд. svā́dīyān им. ед. м. р. (svādú-s «вкусный, сладкій»), вин. ед. svādīyā̯sam, мѣст. ед. svā́dīyasi, зват. ф. ед. ч. svā́dīyan (въ Ведахъ зват. ф. оканчивается еще на yas), ж. р. svádiyasī. Ср. греч. вин. ед. ἡδίω, ἡδύς изъ *ἡδῖοσα; ἡδίους вин. мн. ч. изъ ἡδίοσας, им. мн. ч. ἡδίους изъ *ἡδίοσες. Обычное слоненіе ἡδίων, ονος представляетъ суфф. is (слабый звуковой видъ суфф. ср. ст.) + on; ср. далѣе ἐλάσσων при ἐλαχύς, гдѣ σσ изъ ki̯ (а само k изъ gh). Особой формы ж. р. въ греч. яз. нѣтъ. Въ лат. яз. ср. major, ōris м. и ж. р., гдѣ проведенъ звуковой видъ i̯ōs, а majus изъ majos въ ср. р. (въ род. и здѣсь majōris). Лат. magis (нарѣчіе) представляетъ старое is. То же is вошло въ составъ суфф. превосходной степени is—t(h)o—ср. др.-инд. svádiṣṭha-s и греч. ἥδιστος. На славянской почвѣ мы находимъ старое i̯es въ им. вин. ср. р. (ср. старослав. **болѥ, мьнѥ, хоуждє** и т. д.); въ им. пад. мн. ч. м. р. (ср. старослав. **бо̂льшє, мьньшє, хоуждьшє**) мы находимъ старое is, распространенное элементомъ i̯ (i̯is), перенесеннымъ изъ полнаго звукового вида суффикса (i̯es), въ им. ед. м. р. (ср. старослав. **бо̂лии, бо̂льи, мьнии, мьньи, хоуждии, хоуждьи**) мы имѣемъ старую форму суффикса is съ тѣмъ же i̯ передъ нимъ, какъ и въ им. мн. ч., при чемъ сама форма по отпаденіи конечнаго s получила окончаніе по аналогіи основъ на i̯o, а этотъ элементъ распространилъ собою старое согласное склоненіе въ прочихъ падежахъ, ср. род. ед. **мьньша**, дат. ед. **мьньшоу**

и т. д., только въ вин. ед. м. р. мы находимъ форму типа **мьньшь**, которая можетъ быть старой формой вин. ед. согласной основы, при обычномъ **мьи̑нн**, **мьи̑ьн**, перенесенномъ изъ им. ед. подъ вліяніемъ совпаденія этихъ падежей вообще въ прилагательныхъ; форма **мьи̑ьше** въ ср. р. при **мьнѥ**—новообразованіе подъ вліяніемъ прочихъ падежей; им. ед. ж. р. **мьи̑ьшн** представляетъ въ окончаніи индоевроп. ī. Слѣдуетъ замѣтить, что суффиксъ сравнительной степени, о которомъ идетъ рѣчь, присоединяется къ корню самого прилагательнаго (безъ основообразовательнаго суффикса этого послѣдняго), ср. **въсокъ, въишнн, крѣпъкъ-крѣпа̑нн, тажькъ-тажнн** и т. п. Кромѣ этого типа сравнит. степени, мы находимъ еще другой типъ съ общеслав. ѣ изъ ē (значитъ послѣ мягкой согласной мы найдемъ а) передъ jьs: ср. старослав. **новѣн**, ж. р. **новѣншн**, ср. р. **новѣѥ**; **мъножа̑н, крѣпъчан** и т. д. Этотъ типъ неясенъ по происхожденію.

j) Корневыя основы въ индоевроп. праязыкѣ представляли частью уже утрату стараго чередованія звуковыхъ видовъ самой основы. Ср. основу др.-инд. rāj — «царь» (им. ед. rāṭ, гдѣ ṭ подъ вліяніемъ напр. тв. мн. rāḍbhís, гдѣ ḍ изъ ž, индоевроп. ĝ), лат. rex, rēgis; ср. далѣе индоевроп. nāu—«корабль», др.-инд. naus, вин. návam, дат. nāvé, гр. ναῦς, іон. νηῦς съ η изъ косв. падеж. νῆϝα, νηϝός, (атт. вин. ναον), лат. nāv-em вин. ед., nāv-is род. ед. и далѣе уже какъ основа на i (nāv-is); др.-инд. bhrú-s им. ед. «бровь», вин. bhrúvam, ср. греч. ὀφρῦς, ὀφρύς, ὀφρύϝος, старослав. **кръвь** уже основа на i. Ср. далѣе основы, утратившія чередованіе въ отдѣльныхъ языкахъ: др.-инд. vāk им. ед. «голосъ, слово», вин. vácam, мѣстн. ед. vācí, лат. vōx, vōcis, гр. ὄψ «голосъ».

Съ сохраненіемъ чередованія (болѣе или менѣе) ср. индоевр. основу pḗd / pṓd «нога» (долгія гласныя протяж. звукового вида); др.-инд. им. ед. pāt (изъ * pāt-s), вин. ед. pádam, род. ед. padás; гр. дорич. πᾶς, при аттич. πούς (не разъяснено до сихъ поръ здѣсь ου), ποδός; діалектическ. πός имѣетъ о изъ косвенныхъ падежей; лат. pēs, pĕdis; ср. греч. πεδά въ значеніи предлога μετά въ лесбійскомъ нарѣчіи. Слабый звуковой видъ bd изъ pd въ др.-инд. upa-bdá—«топотъ», греч. ἐπίβδαι «день послѣ праздника».

Ср. далѣе инд. di̯ēu, di̯u передъ соглас. и di̯ų передъ глас. въ слабомъ звуковомъ видѣ; др.-инд. dyaus «небо, день» вин. dyām (съ индоевроп. утратою u̯), мѣстн. dyávi (вед. при diví, тв. мн. dyúbhis, греч. Ζεύς, Ζῆν вин. ед. (Ζῆνα новообразованіе по аналогіи друг. вин., и далѣе р. Ζηνός, дат. Ζηνί), Διϝός, Διϝί, зв. Ζεῦ; лат. diem = др.-инд. dyām и далѣе diēs им. ед.; въ лат. Jū-piter (позже Juppiter) въ Jū-старая зв. ф. di̯eu; di̯eu—мы находимъ и въ лат. Jovis и т. д.

Непроизводныя (корневыя) основы именъ, существовавшія въ нѣкоторомъ количествѣ въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка, въ отдѣльныхъ языкахъ сохранилась лишь въ большей или меньшей степени, въ зависимости отъ утраты самихъ словъ и въ зависимости отъ перехода корневыхъ основъ всецѣло или частью въ склоненіе другихъ типовъ, иногда въ связи съ распространеніемъ новыми формальными элементами.

Ср. лат. pēs, pedis «нога», какъ слово 3-го склоненія, имѣющее им. мн. pedēs, гдѣ окончаніе ēs по происхожденію принадлежало основамъ на i и получилось изъ eįes (напр. въ ovēs «овцы»), ср. далѣе утрату этого стараго индоевроп. слова на славянской почвѣ и замѣну его словомъ noga (корень тотъ же, что и въ nogъtь, лат. unguis — «ноготь, коготь»), ср. еще общеслав. dvьrь, перешедшее всецѣло въ разрядъ основъ на i, ср. лат. foris «дверь», имѣвшее ту же судьбу; общеслав. sьr̥dьce, представляющее распространеніе новымъ суффиксомъ старой основы, сохраняющейся въ лат. cor изъ *cord, род. cordis «сердце», и т. п., общеслав. jucha (р. уха) имѣетъ основу на u, ср. старую корневую основу въ лат. jūs, jūris «похлебка». Единственный несомнѣнный остатокъ въ слав. языкахъ корневой основы, сохранившей частью свое склоненіе, это общеслав. krv «кровь» (древнепольское krv), замѣненное въ им. ед. уже рано новообразованіемъ, ср. старослав. **кръвь** (ср. еще общеслав. brъvь, гдѣ была получена тоже старая корневая основа brū); ср. далѣе род. ед. старослав. **кръве**, древнепольск. krve, krzve; по корню родств. лат. cruor «кровь» (сырая, недавно пролитая).

4. Формы склоненія именъ.

А. Единственное число.

а) Им. ед. ч. несредн. рода въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка оканчивался на—s, но имена съ основами на ā, i̯ā, ī «стянутое», ē, i̯ē, r, n имѣли въ этомъ падежѣ безсуффиксное образованіе, при чемъ основы на r и n представляли здѣсь протяженный звуковой видъ самаго окончанія основы и два варіанта: съ r и n въ этомъ окончаніи и безъ него; эти варіанты, какъ мы видѣли въ фонетикѣ (стр. 46, 49), возникли фонетическимъ путемъ и далѣе въ однихъ діалектахъ обобщился одинъ варіантъ, въ другихъ другой; длительная долгота предшествующей гласной переходила при этомъ въ прерывистую. Имена, имѣвшія въ окончаніи основы s, въ им. ед. оканчивались на s, при чемъ это s могло образоваться и изъ упрощенія ss (s окончанія основы + s падежнаго суффикса).

Примѣры: 1) им. съ суфф. s: основы на o/e: др.-инд. vr̥ka-s «волкъ», греч. λύκος, лат. lupus, гдѣ—us изъ—os, см. фон. стр. 12, старослав. **влькъ, влъкъ** (о конечномъ ъ см. въ фонетикѣ, стр. 13, 14); др.-инд. pítr̥ya-s «отцовскій», sū́rya-s «солнце», греч. ἄλλος «другой» (изъ *alios), лат. alios, alius, alis, старослав. **конь** (о лат. имен. muna alis, Cornelis см. въ обзорѣ основъ на i̯o); основы на i, u: др.-инд. agní-s «огонь», вед. sūnús «сынъ», греч. πόλις «городъ», πῆχυς «локоть», лат. ignis, manus, старослав. **пѫть, кость, сынъ**; основы на ī и ū: др.-инд. naptī́s «дочь, внучка», çvaçrū́-s «свекровь», греч. ἰχθύς (вм. ἰχθῦς),—ὖϝος «рыба», старослав. **свекръı**; основы на согласныя: др.-инд. bhára̱n (изъ индоевроп. bheronts) «несущій», греч. φέρων (о долготѣ ω см. въ обзорѣ основъ), лат. dicens, старослав. **керы** (ы изъ—onts,—ons—

uns—ūs) др.-инд. uṣás «утренняя заря», греч. Гом. ηώς (атт. ἕως), лат. arbōs, позже arbor (r изъ косвенныхъ падежей, гдѣ оно фонетически изъ s между гласными)—здѣсь им. ед. можетъ быть и старымъ безсуффиксным; корневыя имена: др.-инд. bhrū-s «бровь», греч. ὀφρῦς, общеслав. kry, древнепольск. kry «кровь», старослав. уже новообразованіе **кръвь**, ср. **бръвь**); греч. ἶς, лат. vīs «сила»; др.-инд. dyau-s «небо, день», греч. Ζεύς, лат. diēs; др.-инд. pát «нога» (t изъ—ts—ds), греч. πούς, лат. pēs; др.-инд. vāk «голосъ, слово» (основа въ другихъ падежахъ vāc—, фонетически появившаяся тамъ, гдѣ падежный суфф. начинался съ мягкой гласной, напр. vāc-í мѣст. ед.), гдѣ k изъ индоевроп.—k—s, греч. ὄψ, род. ὀπός «голосъ, рѣчь», лат. vōx; др.-инд. rāṭ «царь» (гдѣ ṭ вм. ожидаемаго k изъ индоевроп. ĝ—s, k̂—s перенесено изъ падежей, гдѣ суффиксъ начинается съ bh, а здѣсь передъ bh мы фонетич. изъ ĝ найдемъ др.-инд. ḍ, напр., тв. мн. rāḍbhís (см. фонет., стр. 53), лат. rēx.

2) имен. безъ суфф.: основы на i̯ā, ā, ī̆ «стянутое»; др-инд. sénā «войско» áçvā «кобыла» (ср. áçva-s «конь»), греч. θεά, χώρα, τιμή (см. фон. стр. 15), лат. equa (смот. фон. стр. 16), старослав. **жена**; въ греч. яз. имена муж. р. съ основами на ā получили по аналогіи именъ м. р. 2-го склоненія им. на -ας: νεανίας «юноша», πέρσης «персъ», причемъ старые им. на ā сохранялись діалектич., а кромѣ того являются въ значеніи зват. ф. у части такихъ именъ (см. ниже); въ древнелат. ср. аналогичное греч. образованіямъ м. р. на—as, pāricīdas; др-инд. dēvī̆ «богиня», bhárantī̆ «несущая», старослав. **бержштн**, греч. φέρουσα изъ *φεροντια; лат. audācia; въ старосл. имен. типа **ꙁємлꙗ** могутъ скрываться и им. основъ на i̯ē; ср. лат. faciēs, materiēs, греч. нескл. χρή «нужно», лат. fidēs (лат. именит. на—ēs, повидимому, по аналогіи корневыхъ, по происхожденію, именъ 5-го склоненія: rēs, diēs, spēs); основы на r и n: др-инд. pitá «отецъ» rā́jā «царь», старосл. **матн**, (др-инд. mātá), **камы**, лат. homō, съ другой стороны, греч. πατήρ, τέκτων «плотникъ», ποιμήν «пастухъ», лат. pater.

в) Зват. ф. неср. р. въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка представляла чистую основу съ удареніемъ на начальномъ слогѣ. Это образованіе, небывшее падежной формой, а такъ называемымъ «словомъ-воззваніемъ», представляло знакъ чувства, но въ отдѣльныхъ языкахъ оно во многихъ случаяхъ замѣнилось формою именит., а и сохранившись, не вездѣ сохранила старое мѣсто ударенія. Въ основахъ на o/e въ зват. формѣ являлось въ окончаніи основы именно e: др-инд. vṛ́ka, dḗva (при им. dēvá-s «богъ»), греч. λύκε, ἄδελφε (при ἀδελφός «братъ», лат. lupe, puere, ager (изъ *agere), fīlī (Saturnie—новообразованіе), старослав. **влъче**, **влъче**, **коню** (въ основахъ на i̯o еще въ общеслав. яз. зват. ф. образовывалась по аналогіи основъ на u); основы на ā (въ окончаніи зват. ф. было ă): др. инд. amba «мать», обычная же форма зват. была на др.-инд. ē, т. е. старый дифт. ai̯: áçvē (при им. áçvā «кобыла»); греч. Гом. νύμφᾰ, атт. δέσποτᾰ, τοξότᾰ, (τοξότης «стрѣлокъ изъ лука»), πέρσᾰ (πέρσης—персъ, но не Персей, а въ этомъ значеніи Πέρση, такъ какъ въ

греч. языкѣ старая форма зват. вообще замѣнилась у основъ на ā формой именит.); въ основахъ муж. р. кромѣ указанныхъ (именъ на της, назв. народовъ на ης и еще сложныхъ съ—μέτρης,—τρίβης,—πώλης) въ значеніи зват. является форма на ā (и атт.—іон. η) бывшая ранѣе, до присоединенія ς, формой им., ср. νεανίᾱ «юноша»; лат. equa весьма вѣроятно по происхожденію им., такъ какъ изъ формы на старое краткое а въ зват. отъ основъ на ā мы врядъ ли бы ждали лат. ă въ концѣ слова; старослав. **жено, ꙁемлѥ**; въ основахъ на ī «стянутое» въ им. ед. мы находимъ др-ин. dḗvi «богиня», греч. πότνια «госпожа»; основы на i и u имѣли въ окончаніи зват. формы дифтонгъ: др-инд. ágnē, sū́nō, ср. греч. πόλι, ὄφι «змѣя,» πῆχυ «локоть»; старослав. **пѧти, кости, сынѹ**; въ лат. яз. здѣсь утрачена особая фор. зват., замѣненная имен.; основы на ī и ū имѣли въ окончаніи основы въ зват. формѣ i и u: др- инд. nápti, çváçru, греч. ἰχθύ (вм. ἰχθῦ) «рыба»; односложныя основы на ī и ū въ древнеинд. яз. замѣнили зват. фор. именит.: dhīs «мысль», bhūs «земля»; въ корневыхъ основахъ на дифтонгъ сохранилась зват. ф. въ греч. zεῦ, лат. jū въ Jūpiter, ставшемъ им. ед., ср. др.-инд. dyaus, т. е. форму им. въ роли зват.; основы на согласную: др.-инд. rā́jan «царь», греч. κύον, Ἄπολλον (им. Ἀπόλλων), но имена съ основами на n съ удареніемъ на концѣ имѣютъ въ греч. имен. въ значеніи зват. ἡγεμών, ποιμήν; др-инд. mā́tar, pítar, греч. μῆτερ, ἄνερ (ἀνήρ «мужъ»), δῶτορ, σῶτερ при δώτωρ, σωτήρ «спаситель»; основы на nt: др.-инд. bháran, греч. γέρον «старецъ», Αἶαν (им. Αἴας изъ *Αἰαντς), но въ прич. на nt въ греч. яз. имен. заступилъ мѣсто зват. ср. (φέρων); основы на s: греч. Σώκρατες при Σωκράτης, σύνηθες «привычный» (при συνήθης), εὐγενές «благородный», ср. далѣе греч. Ἄρτεμι (изъ *Ἄρτεμιδ, им. Ἄρτεμις), τυραννί при им. τυραννίς, ίδος, παῖ (изъ παϝιδ-) при им. παῖς, ἄνα изъ *ἄνακτ при им. ἄναξ; въ греч. яз. основы на шумныя взрывныя согласныя вообще не сохранили зват. ф., если они имѣли удареніе на концѣ, кромѣ основъ на—ίς,—ίδος, а изъ не имѣвшихъ удареніе на концѣ старую зват. ф. сохранили только основы на—ις, ιδος и ντ. Въ древнеинд. языкѣ отъ основъ на соглас. форма зват. не можетъ быть отличена по происхожденію отъ именит., такъ какъ послѣ согласной здѣсь исчезло само окончаніе им.—s.

c) *Винит. ед. ч. не ср. р.* имѣлъ суффиксомъ m, послѣ согласнаго звука въ окончаніи основы a̯m̥, при чемъ основы на ī и ū и дифтонги имѣли уже въ праязыкѣ образованія по 1-му и 2-му типу. Образованія 1-го типа: др.-инд. vṛ́ka-m, греч. λύκον, (гдѣ ν изъ m) лат. lupom, lupum, старослав. **влькъ, влъкъ**; др.-инд. sḗnā-m «войско», греч. χώραν, τιμήν, лат. equam, старослав. **женѫ**; др.-инд. agní-m, sūnú-m, греч. πόλιν, πῆχυν, лат. sitim, turrim и нѣк. др. (вообще же основы на i получили—em по аналогіи согласныхъ основъ, съ которыми онѣ составили одно 3-е склоненіе), manum, старослав. **пѫть, кость, сынъ**; др.-инд. bhárantī-m, мож. б., новообразованіе при им. bhárantī, гр. φέρουσαν (теперь объясняютъ окончаніе этой формы изъ индоевр. (i) i̯a̯m, которое по-гречески дало бы i̯α, съ присоединеніемъ ν по аналогіи другихъ вин.) старосл.

ѣержштж. Образованія 2-го типа: древнейнд.—am (одни объясняютъ его фонетически изъ ąm въ концѣ слова, другіе понимаютъ какъ обобщеніе того am, которое должно было получиться изъ ąm передъ гласной въ началѣ слѣдующаго слога), греч.—α, лат.—em, старослав. ь; ср. др.-инд. pitár-am, bhárant-am, греч. πατέρα, φέροντα, ἠῶ (Гом. изъ *ἠόα ἠόσα ср. др.-инд. uṣás-am), атт. ἕω, εὐγενῆ изъ *εὐγενεσα, старослав. **матєрь** (форма не характерная, такъ какъ совпадаетъ по окончанію съ вин. отъ основъ на i, съ которыми рано смѣшивались на слав. почвѣ согласныя основы). Основы на ĭ, ŭ и дифтонги: древнеинд., вед. partíyam, dhíyam (им. dhís «мысль»), tanú-m и tanúnam (tanú-s «тѣло»), bhrúv-am «бровь», санскр. форма по аналогіи основъ на ī «стянутое» вин. ед. на—īm, а въ основахъ на ū на—ūm; греч. λῖν (λίς вм. λῑ̃ς «левъ»), ἰχθύν; ἰχθύα, выступающее позже—новообразованіе по аналогіи вин. мн. ἰχθύας, старослав. м. б. **кръкь.** Въ основахъ на дифтонги ср. индоевроп. diē(u̯)m, gō(u̯)m (съ g лабіализ.), откуда др.-инд. dyām, gām, греч. Ζῆν (а по аналогіи другихъ вин. изъ α: Ζῆνα и далѣе Ζηνός, Ζηνί), βῶν (обычное βοῦν подъ вліяніемъ им. βοῦς), лат. diem (а подъ вліяніемъ вин. и въ им. diēs, хотя въ этой формѣ въ индоевроп. праязыкѣ неслоговая часть дифтонга передъ s сохранялась), rem; съ другой стороны, индоевроп. nāu̯ąm, ср. др.-инд. nā́vam «корабль», греч. νῆα, лат. nāvem, аттич. же ναῦν какъ βοῦν; что же касается др.-инд. dívam, греч. Δι(ϝ)α, то это новообразован. съ слабымъ звуковымъ видомъ основы, извлеченнымъ изъ слабыхъ падежей (др.-инд. div-ás, ср. Διϝ-ός род. ед.), также объясняется и лат. bovem.

d) *Имен. вин. ед. ч. ср. р.* въ основахъ на o совпадалъ по образованію съ вин. ед. не ср. р. въ этихъ основахъ, ср. др.-инд. yugá-m «ярмо», греч. ζυγόν, лат. jugom, jugum, старосл. **нго** (гдѣ о перенесено изъ мѣстоим., ср. **то**=др.-инд. tad). Въ прочихъ основахъ им. вин. ед. ч. ср. р. образовывался безъ суффикса: ср. др.-инд. śúci «свѣтлое, чистое», mádhu «нѣчто сладкое» (основы на i и u), греч. ἴδρι «свѣдущее», греч. μέθυ, лат. leve, mare (съ e изъ i въ открытомъ концѣ слова), animal (изъ *animāli), pecu (въ лат. яз. извѣстна здѣсь и долгота: pecū, такъ, что форма съ ŭ м. б. вторичнаго происхожденія вслѣдствіе сокращенія долготы; думаютъ, что лат. pecū по происхожденію им. вин. мн. ч. съ собирательнымъ значеніемъ, примѣненный и къ ед. ч.); ср. далѣе чистую основу въ им. вин. ед. ч. ср. р. въ основахъ на nt: др.-инд. bhárat, греч. φέρον новообразованіе съ сильнымъ звуковымъ видомъ, который вообще вытѣснилъ въ этой основѣ слабый звуковой видъ въ косвенныхъ падежахъ (а им. вин. ед. ч. ср. р. былъ вообще слабый падежъ), старослав. **беры** перенесено изъ м. р., а лат. dicens, ferens м. б. такого же происхожденія (нѣкоторые ученые, принимающіе переходъ конечнаго—nt въ—ns, считаютъ ихъ старыми формами ср. р.); въ основахъ на os/es въ им. вин. ср. р. являлось os (др.-инд. jánas, греч. γένος, лат. genos, us, старослав. **слоко**, гдѣ **о** вм. **ъ** подъ вліяніемъ **то**). Основы на n имѣли въ разсматриваемой формѣ два образованія: 1) съ слабымъ звуковымъ видомъ, ср. др.-инд. nā́ma

(гдѣ a изъ ᾰn̥), греч. ὄνομα (въ косвенныхъ падежахъ основа ὀνομα+τ), лат. nōmen; 2) съ протяженнымъ звуковымъ видомъ, на который указываютъ герм. яз.; сюда принадлежитъ и слав. **имѧ**, можетъ принадлежать и лат. nōmen (en м. б. и изъ—ēn); вед. nā́mā принадлежитъ сюда же и представляетъ варіантъ безъ n въ окончаніи. Ср. еще въ основахъ на взрывныя согласныя: др.-инд. yákr̥t (род. yakn-ás «печень», греч. ἧπαρ (р. ἥπατος), лат. jecur (р. jecinoris), греч. γάλα «молоко» изъ *γαλακτ, лат. lac изъ *lact (ср. γάλακτος, lactis).

е) *Родит. ед.*, бывшій и отложит. за исключеніемъ основъ на o, гдѣ была особая форма род. и особая отложит. пад. Род. отложит. имѣлъ суффиксомъ—ĕs/—os и, какъ слабый звуковой видъ, одно—s, ср. др.-инд. div-ás (им. dyaus «небо, день» (греч. βοϝός (съ сильн. вм. слабаго вида), Διϝός, лат. Jovis съ сильнымъ звуковымъ видомъ вм. стараго слабаго (гдѣ is изъ-ĕs, ср. древнелат. Veneres), старослав. **словесе, каменє, матєрє**. Итакъ, греч. яз. указываетъ на—os, а слав.—є изъ —es и лат.—is изъ—es указываютъ на старое—es; на—os указываютъ и древнелат. окончаніе род.—us (nōminus, Venerus). Въ основахъ на i, u были въ праязыкѣ образованія род. 1) съ дифт. въ окончаніи основы и слабымъ звуковымъ видомъ самаго суффикса, ср. др.-инд. agnḗ-s, çátrō-s, лат. manūs [1]) (гдѣ—ūs изъ—ous; въ основахъ на i (ovis) род. по аналогіи другихъ основъ 3-го склоненія), старослав. **костн, сынοу** (изъ—eis,—ous); 2) съ гласными i и u въ окончаніи основы и полнымъ звуковымъ видомъ суффикса, ср. др.инд. вед. окончанія этого пад.—yas (—ias), ávyas (ávis «овца»),—vas (—uas) въ pitv-ás (им. ед. pitú-s м. р. «питье, пища»), mádhvas (основа с. р. mádhu), греч. іонич. ὄφιος «змѣи», πόλιος, γένυος (γένυς «подбородокъ»). Греч. род. основъ на u типа πήχεϝος—новообразованіе подъ вліяніемъ дат. (стараго мѣст.) πήχεϝι, обычная аттич. ф. πήχεως по аналогіи πόλεως, а эта форма изъ πόληος (Гомеръ), гдѣ η перенесена изъ дат. (мѣстн.) πόληι. Лат. род. senātuis, древнелат. senātuos могутъ быть и старыми род. на—u—es/—os, могутъ быть и лат. новообразованіями. Въ др.-инд. яз. въ основахъ на i и u ср. р. мы находимъ, какъ и въ другихъ падежахъ, гдѣ суффиксъ начинался съ гласной, еще n, перенесенное изъ основы на n (váriṇas «воды», mádhunas), и основы ж. р., кромѣ формъ на —ēs, —ōs, имѣютъ новообразованія подъ вліяніемъ основъ на ī и ū: gátēs и gátyās (»ходъ»). dhenṓs и dhenvás «корова». Др.-инд. род. основъ на (t) er: pitúr, dātúr представляетъ образованіе на—ᾰr̥ (окончаніе основы)+s суфф., исчезнувшаго послѣ согласной въ концѣ слова (ur не r̥ изъ ᾰr̥ здѣсь въ силу того, что —ᾰr̥—s передъ звонкимъ звукомъ давало —ᾰr̥—r).

Въ основахъ на ā изъ сліянія ā въ окончаніи основы+суффикса род. ед. получилось—ās, которое находимъ въ греч. χώρας, τιμῆς, древне-

[1]) Въ средн. родѣ грамматика требуетъ—ū, но у лучшихъ писателей здѣсь вообще—ūs; форма на ū м. б. создалась подъ вліяніемъ того, что вообще въ 4-мъ склоненіи было стремленіе формы на ū (разнаго происхожденія) приписать ср. р.

лат. viās, fortunās (въ классич. яз. сохран. pater familiās), замѣненныя новообразов. на āī подъ вліяніемъ ī въ род. ед. 2-го склоненія, откуда далѣе—ae: viae, старослав. **жены, земли**, гдѣ старое окончаніе замѣнено новообразованіемъ подъ вліяніемъ вин. мн.; въ др-инд. яз. остаткомъ стараго образованія является род. gnás въ gnās—pátis («супругъ богини», gnā, ср. греч. γυνή, старосл. **жена**, разные звуковые виды корня), обычное же образованіе на—āyās (sénāyās) есть новообразованіе подъ вліяніемъ мѣстн. ед. на—āyām (см. ниже). Въ основахъ на ī стянутое: ср. др-инд. bhárantyās, греч. φερούσης, πότνιας, старослав. **бержштѣ**. Въ основахъ на ē, iē въ лат. яз. faciēi, fidei—новообразованіе (и далѣе diēi, rei) по аналогіи viāī; древнелат. rabiēs старая форма на ēs, древнелат. параллельныя формы типа prōgeniī, famī (famēs «голодъ»), faciē имѣютъ ī, ē м. б. изъ ei/ēi, получившіяся изъ стяженія ēī: послѣ i получилось м. б. первоначально ē, иначе ī, смѣшавшіяся впослѣдствіи.

Въ основахъ на o род. ед. въ др-инд. яз. оканчивается на—sya (инд.—s̥o, повидимому, перенесенное изъ род. ед. мѣстоименій съ основами на o) vr̥kasya, ср. гр. Гом. ἵπποιο (гдѣ—οιο изъ *ος̥ο); греч. ἵππου, гдѣ ου изъ—οο,—οσο (въ дорич. изъ οο получилось ω: ἵππω), указываетъ на старое—so (тоже мѣстоим. происхожденія), на которое указываютъ и герм. яз. (нѣм. des wolfes, гдѣ послѣ s отпала старая краткая гласная еще въ общегер. эпоху, и гдѣ e передъ s есть старое e въ окончаніи основы). Въ греч. яз. подъ вліяніемъ окончанія род. ед. 2-го склоненія и имена 1-го склоненія м. р. получили новообразованіе (Ἀτρείδᾱο у Гомера при Ἀτρείδης, въ аттич. новое заимствованіе: πολίτου). Лат. (и кельтское) окончаніе род. ед. 2-го склоненія ī (не изъ дифтонга, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ древнѣйшія надписи, не примѣняющія еще написанія ei для обозначенія ī) до сихъ поръ еще не объяснено удовлетворительно. Думаютъ, что это по происхожденію есть им. ед. ж. р. на ī «стянутое» основъ съ собирательнымъ значеніемъ, являвшійся въ видѣ приложенія и ставшій затѣмъ эквивалентомъ прилагат. притяжат. и род. пад. (lupī fīlius значило «сынъ, принадлежащій къ волчьей породѣ, волчій сынъ»; lupī равнялось бы др-инд. vr̥kī «волчица»). Въ именахъ на i̯o сущ. имѣютъ въ классическомъ яз. ī: fīlī, а прилагат. iī подъ вліяніемъ другихъ падежей (patriī). Слав. форма на a: **рака** до сихъ поръ еще не объяснена удовлетворительно. Обычное ея объясненіе изъ стараго отлож. на—ōd неудовлетворительно, такъ какъ литовская форма род. на o указываетъ на старое ā въ окончаніи, не ō, изъ котораго получилось лит. сочетаніе одного слога uo (ů); правда, есть примѣры, гдѣ вмѣсто ů мы находимъ лит. o, но это случаи, гдѣ дѣйствовала извѣстная аналогія, которой нѣтъ мѣста въ разсматриваемой формѣ. Нельзя думать также и о томъ, что суффиксъ отлож. ед. заключалъ въ себѣ различныя гласныя, такъ что при стяженіи съ o въ окончаніи основы могли получиться различныя долгія гласныя.

f) *Отложит. ед. ч.* существовавшій въ видѣ особаго образованія только у основъ на o, оканчивался на—ōd, гдѣ въ составѣ этого окончанія вошло o въ окончаніи самой основы+гласная неизвѣстнаго каче-

ства и количества + d (суфф. былъ a * d, знакъ a* обозначаетъ гласную неизвѣстныхъ качества и количества). Ср. др-инд. vr̥kāt, гдѣ t изъ d въ абсолютномъ концѣ слова, древнелат. Gnaivōd, meritōd, позже Gnaeō, meritō; въ греч. яз. остатками формъ отлож. являются нарѣчія типа: οὕτω, οὕτω-ς. Въ лат. языкѣ образованіе отложит. падежа было распространено и на другія основы: древнелат. praidād, позже praedā, rē, vī (твор. на ī въ 3 склоненіи), manū; древнелат. cosoled (consoled) показываетъ, что d присоединялось и къ формамъ лат. твор. (стараго мѣстн.) согласныхъ основъ 3-го склоненія. Лат. нарѣчія facillimē (древнелат. facilumēd), bene могутъ быть также старыми формами отлож. на ēd основъ на o/e, но м. б. это и лат. новообразованія изъ старой формы instrum. + d отложит. падежа.

g) *Дат. ед. ч.* имѣлъ суффиксомъ ai̯, сливавшееся съ гласными—o,—ā—ē въ окончаніи основы въ—ōi̯,—āi̯,—ēi̯ Въ послѣднее время, опираясь на дат. ед. согласныхъ основъ въ языкѣ осковъ на—ei, на греч. образованія типа Δι*ϝ*ει въ Δι*ϝ*ει—τρέφτις, принимаютъ для праязыка и—ei̯ въ качествѣ суффикса дат. (собст. дат., a—ai̯ приписываютъ дат., какъ падежу цѣли). Къ индоевр. образованіямъ, гдѣ суфф. дат. стянулся съ окончаніемъ основы, восходятъ: греч. ἵππῳ, θεῷ, лат. древ. populoi, классич. populō, старослав. **рабоу, коню,** гдѣ **оу**, по мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, фонетически изъ дифт. ōi̯, измѣнившаго свою неслоговую часть въ направленіи къ u̯ еще въ балт. слав. эпоху; др-инд. vr̥kāya изъ старой формы дат. на—ōi̯+постпоз. ā (извѣстно ā въ видѣ постпозиціи при дат. и въ яз. Авесты въ соединеніи съ отлож. пад., извѣстно здѣсь постпоз. a, ср. др-инд. ā при томъ же падежѣ); въ основахъ на ā: греч. χώρᾳ, τιμῇ, лат. aquae (древнелат. діал. дат. на ā параллельны дублету ōi̯: ō въ дат. 2-го склоненія; происхожденія этотъ дублетъ фонетическаго: ō получалось въ концѣ рѣчи, въ паузѣ [1]), старослав. **женѣ, землѭ.** Др-инд.—āyai (sénāyai) новообразованіе подъ вліяніемъ мѣстн. ед. (ср. сказанное о род. ед.). Въ лат. 5-мъ склоненіи форма на ē изъ ēi̯ (faciē) параллельна дат. на ō и ā 2-го и 1-го склон.; обычная форма на ēī подъ вліяніемъ дат. на ī 3-го склоненія; только rēī могло бы быть старой формой изъ rēi̯—ai̯.

Дат. на—ai̯, гдѣ ai̯ не сливалось съ окончаніемъ основы: др-инд. pitré, въ греч. сюда нарѣчіе χαμαί—лат. humī «на землю, на землѣ», греч. inf на—μεναι, лат. infin. на ī: agī; вообще же ī въ дат. въ 3-мъ лат. склоненіи можетъ быть двоякаго происхожденія: въ основахъ на i изъ индоевроп. формы на—ei̯—ei̯, гдѣ первое ei̯ окончаніе основы, получилось вслѣдствіе диссимиляціи форма на—ei̯, откуда лат. ī (ovī), а въ согласныхъ основахъ это м. б. старый дат. на—ai̯ (ei̯). Изъ формы на—ei̯—ei̯, съ утратою одного ei̯ объясняется и слав. **пѫти, кости.** Др-инд. agnáyē, sūnávē представляютъ индоевроп. дат. на дифт. въ

---

[1]) Теорія Бартоломэ, опирающаяся на сопоставленіе съ др-инд. āyа и выводящая ō изъ формы на ōa* (ā въ ж. р. уже распространеніе по аналогіи), а oi изъ формы на ōi, непріемлема.

окончанiи основы+aį, лат. manuī м. б. старою формою на eų/oų+aį или на u—aį; рядомъ встрѣчается и ū (по школьной грамматикѣ правило въ дат. ед. въ среднемъ р.), по происхожденiю безсуфф. мѣст. ед. на—eų; старослав. **сыновн** принадлежитъ сюда же, хотя **н**, мож. б. какъ и—**н** согласныхъ основъ (**каменн**), есть **н** перенесенное изъ дат. ед. **пѫтн, костн**. Основы ж. р. на i и u въ др-инд. яз. имѣютъ и новообразованiе по аналогiи основъ на ī и ū: gátyai, dhēnvái. Др-инд. pátyē (páti—s «супругъ»), какъ и вед. çiçvē (çiçu—s «дитя») формы на старыя—i—aį, —u—aį. О согл. n въ дат. ед. основъ ср. р. на i и u, гдѣ мы находимъ въ окончанiи -inē, -unē, ср. сказанное въ отдѣлѣ о род. ед.; тотъ же элементъ n является здѣсь и въ другихъ падежахъ, гдѣ суффиксъ начинался съ гласной.

h) *Твор. ед. ч.* имѣлъ, во-первыхъ, суффиксомъ индоевроп.—bhi,—mi (съ различiями по дiалектамъ). Къ 1-му восходитъ соотв. окончанiе арм. яз. и греч. φι въ эпич. яз. въ образованiяхъ съ значенiемъ не только твор., но и другихъ косвенныхъ падежей и не только ед., но и мн. ч.; при φι мы находимъ—φιν, которое м. б. старымъ—bhim, если такой дублетъ существовалъ въ индоевроп. праязыкѣ, или греческимъ новообразованiемъ (ср. дат. (стар. мѣст.) на—σι (ν), ср. Гомер. ἶφι, ναῦφι; къ—mi восходитъ слав.—**мь** въ основахъ м. и ср. р. (не женскаго), **рѧкомь, сынъмь, пѫтьмь, нгомь**.

Во вторыхъ, въ твор. ед. ч. въ индоевр. праязыкѣ существовали другiя образованiя. Въ основахъ на o и на ā твор. ед. оканчивался соотвѣтственно на ō, ā+n подвижное, не краткое: балт. яз. указываютъ опредѣленно на некраткость здѣсь n; ср. старослав. **рѫкѫ, рѫкоѫ** (подъ вліянiемъ мѣстн. **тоѫ**), въ основахъ же на o слав. яз. представляютъ—mi, тогда какъ лит. яз. сохранилъ старое образованiе; др-инд. vṛ́kā (обычное vṛ́kēna по аналогiи мѣстн. tḗna), греч. нарѣчiя τῶ «такъ, поэтому», οὔ—πω (еще не), дор. πή—ποκα «когда-нибудь» представляютъ варiантъ безъ n въ основахъ на o; ср. далѣе въ основахъ на ā: др-инд. вед. твор. на ā, замѣненныя вообще новообразованiемъ на—ayā (подъ вліянiемъ мѣстоим. tayā, ср. **тоѫ**)—sḗnayā; греч. нарѣчiя κρυφῇ, λάθρᾳ «тайно». Въ основахъ на неслоговой звукъ др-инд. яз. имѣетъ въ твор. ед. ā, перенесенное м. б. изъ основъ на o, ā: pitŕā «отцомъ» и т. п. Въ основахъ на i и u мы находимъ старыя pátyā, matyá (matí-s «мысль» ж. р.), dhēnvá (dhenú-s «корова» ж. р.) при окончанiяхъ—inā,—unā, въ основахъ м. и. ср. р. (кромѣ такихъ единичныхъ образованiй, какъ sákhyā «другомъ», pátyā): agnínā, çátrunā и т. д., объясняющiяся вліянiемъ основъ на n. Др-инд. ī въ окончанiи основъ на i: вед. matī́ можетъ быть старымъ окончанiемъ твор. ед. такихъ основъ; лат. turrī, manū могли бы быть частью тоже такими старыми формами, вообще же это новые латинск. ablativ. (см. выше). На слав. почвѣ основы ж. р. на i въ отличiе отъ основъ м. р. (**пѫтьмь**) представляютъ формы твор. типа **костнѫ, костьѫ** подъ вліянiемъ формы тв. у основъ на ā; согласныя основы имѣютъ тв. по аналогiи основъ на i (**каменьмь, матернѫ**).

i) *Мѣстный ед. ч.* представлялъ у основъ на i, u, сонорную согласную и s безсуффиксное образованіе. Въ основахъ на i и u являлись при этомъ дифтонги съ долгой слоговой гласной и подвижной неслоговой частью (протяженный звуковой видъ); въ основахъ на i— дифтонгъ ēi̯, частью ē изъ ēi̯: ср. др.-инд. вед. agná, Гом. πόληϊ (πόλη= др.-инд. agná + i по аналогіи прочихъ мѣстн. (греч. дат.) 3-го склоненія, атт. πόλῃ (дальше η перенесено въ другіе падежи: πόληος, откуда πόλεως), старослав. **пѫти, кости** (здѣсь i изъ ēi̯, такъ какъ наличность удар. на окончаніи указываетъ здѣсь на длит. долготу, а i изъ одного ē получалось только при прерывистой долготѣ); основы на u: др.-инд, sūnaú (а по аналогіи основъ на u и въ основахъ на i въ классич. санскритѣ только форма на au: agnáu); основы ср. р. на i и u имѣютъ въ мѣстн. ед. u новообразов. по аналогіи основъ на ī «стянутое», matyám (какъ devyám при dēví «богиня») dhenvám; старослав. **сыноу** (если въ праязыкѣ въ мѣстн. ед. дѣйствительно была только ступень e, то слав. **оу** не изъ стараго ōu̯, а изъ ou̯, замѣнившаго eu̯ изъ ēu̯ подъ вліяніемъ другихъ образованій, гдѣ было въ окончаніи основы ou̯ (ср. **сыноу** род. ед.). Основы на сонорныя согласныя и на s: вед. hḗman «зимою», греч. αἰέν «всегда» по происхожденію безсуфф. мѣстный ед. αἰών «вѣкъ», греч. infin. на μεν (ἴδμεν, δόμεν), старослав. **камен-е** (форма безъ суффикса + e постпозиція); др.-инд. нарѣчіе antár, лат. inter, ср. греч. ὕπερ, ὑπέρ (др.-инд. upári «надъ» мѣстн. съ суфф. i) такіе безсуффиксные мѣстн. отъ основъ на r; въ основахъ на s, греч. αἰές «всегда» по происхожденію мѣст. ед. отъ основы на s (ср. αἰέν), лат. penes «у», ср. penus, oris «то, что находится внутри».

Мѣстный съ суфф. i, ставшій въ греч. языкѣ въ 3-мъ склоненіи общею формою дат. пад., въ основахъ съ чередованіемъ звуков. видовъ имѣлъ самую основу частью въ сильномъ звуковомъ видѣ съ ступенью гласной e: др.-инд. pitár-i, греч. πατρί, rájan-i, rájň-i, bhárat-i, греч. πατρί, ποιμένι, φέροντι, греч. πόλει (Гом. πτόλεϊ), ἡδέϊ (ἡδύς), ἄστεϊ (ἄστυ), атт. ἡδεῖ, ἄστει старые мѣстн. отъ основы на i съ суфф. i и съ дифтонг. ei̯, eu̯ въ окончаніи основы (ei̯i, eu̯i), ср. др.-инд. (рѣдкое) sūnávi (при sūnáu), ср. еще др.-инд. dhiyí при dhī-s «мысль», bhruví при им. bhrū-s «бровь» и т. п. Въ основахъ на o и ā гласная i сливалась съ гласною въ окончаніи основы въ дифтонгъ; основы на o: др.-инд. vṛ́kē, слав. **рабѣ**, лат. bellī «на войнѣ», Corinthī «въ Коринѳѣ» (это не род., а мѣстн. по происхожденію пад., гдѣ ī изъ стараго ei̯, на которое указываетъ языкъ осковъ), ср. греч. οἴκοι «дома», Ἰσθμοῖ «въ Истмѣ» и ἐκεῖ «тамъ»; въ основахъ на ā: ср. греч. Θηβαι—γενής, собств. «рожденный въ Ѳивахъ», лат. Romae «въ Римѣ», старослав. **женѣ**; въ др.-инд. яз. къ формѣ на старое—āi̯ присоединилась постпозія—ām, и получились образованія типа sḗnāyām; ср. далѣе dēvyám (dēví «богиня»).

B. Множественное число.

a) *Им. мн. ч. не ср. р.* имѣлъ суфф.—es, который сливался съ гласной въ окончаніи основъ на o, ā, ē въ -ōs, -ās, -ēs: ср. др.-инд.

vr̥kās (основа на o); въ Ведахъ въ окончаніи этой формы и -āsas, т.-е. индоевроп. ф. на -ōs + es, присоединенное по аналогіи напр. согласныхъ основъ, sénās (основа на ā) [1]), лат. faciēs (основа на i̯ē). Въ греч., лат. и слав. яз. старыя формы были замѣнены новообразованіемъ по аналогіи мѣстоим. склоненія: греч. ἵπποι, χῶραι, лат. equī (древнелат. poploe = populī), aquae, старослав. **рабы** (**ы** изъ oi̯ съ прерывистой долготой), но **жены**, **земля** представляютъ то же новообразованіе, что и въ род. ед. (см. вин. мн.). Формы на -es: др.-инд. pitáras, греч. πατέρες, старослав. **матере**, греч. εὐγενεῖς «благородные» изъ *εὐγενεσες; въ основахъ на i: др.-инд. agnáy-as, çátrav-as (въ Ведахъ изв. им. мн. и на -yas, -vas, гдѣ въ окончаніи основы i и u); греч. іонич. πτόλιες, πήχεϝες (изъ -i-es, -eu-es), атт. πόλεις изъ индоевроп. ф. на ei̯-es, а πήχεις стяженіе изъ πήχεες, старослав. **пѫтие**, **пѫтье** (гдѣ -**ие** изъ -ei̯es), **сыноке**, гдѣ -**оке** изъ eu̯-es, при чемъ eu̯ замѣнено ou̯ подъ вліяніемъ род. мн. **сыновъ**; старослав. им. мн. ж. р. **кости** не старая форма им., а перенесена изъ вин. мн. подъ вліяніемъ совпаденія этихъ формъ у основъ на ā; лат. ovēs изъ *oveies, а по аналогіи это -ēs и у всѣхъ согласныхъ основъ 3-го склоненія, manūs, повидимому вин. мн. (мы ждали бы manuis съ -uis изъ -eues).

b) *Им. вин. мн. ч. ср. р.* имѣлъ суффиксомъ у основъ на согласныя индоевроп. ə, откуда др.-инд. i; греч. *α*: др.-инд. nā́mān-i (им. вин. мн. былъ сильнымъ падежомъ и въ данномъ случаѣ съ протяженнымъ звуковымъ видомъ); catvár-i «четыре», греч. πίονα (им. ед. м. р. πίων), τέπαρα, Гом. γένεα, атт. γένη изъ *γένεσα и т. п.; въ прич. ср. др.-инд. bhárant-i [2]), греч. φέροντα. Основы на n имѣли образованіе и по другому типу: др.-инд. вед. nā́mā, т.-е. старыя образованія безъ суффикса и съ протяженнымъ звуковымъ видомъ съ индоевроп. діалектит. отсутствіемъ n въ концѣ слова послѣ долгой гласной. По аналогіи отношенія bhárat им. вин. ед. ч. ср. р. и bhárānti им. вин. мн. ч. ср. р. въ древнеинд. яз. образовались отъ основы на индоевроп. -os им. мн. на -ā̱si, т.-е. старое -ānsi вм. -āsi (ōs протяженный звуковой видъ суффикса основы + ə): mánas—mánā̱si («духъ, мысль, разумъ») и далѣе havís—havī̯si (жертва), áyus—áyū̱si (вѣкъ), далѣе по аналогіи образовались у основъ на in им. вин. мн. ч. на ī̃ni (balī́ni при balí «сильный» основа на in), а въ ед. ч. соотношеніе м. р. balī́ и ср. р. balí вызвано вліяніемъ соотношенія м. р. и ср. р. въ основахъ на др.-инд. an: rā́jā и nā́ma. Далѣе основы на i, u, ter получили им. вин. мн. ч. ср. р. на ī̃ni, ūni, tr̥̄̃ni (r̥ долгое): çucī̃ni, purūni dātr̥̄̃ni (съ r̥ долгимъ), (çúci—свѣтлый, purú—многій, dātr̥—даятель).

Въ основахъ на o им. вин. мн. ч. ср. р. оканчивался на ā: ср. др.-инд. вед. yugā́, вед. и санскр. yugā́ni (перенесено изъ основы на n), греч. ζυγά, лат. juga, старослав. **нга**. Лат. juga имѣетъ a краткое

---

[1]) Древнеинд. bhárantyas (при им. ед. bhárantī) не старая форма (ждемъ—yās), а новообразованіе подъ вліяніемъ им. мн. основъ на старое ī, гдѣ въ окончаніи формы было -iyas (naptíyas). Не ясна по происхожденію вед. форма им. мн. у тѣхъ же основъ на -is.

[2]) Основы на -mant, -vant имѣютъ вед. -mānti, -vānti, санскр. manti, vanti.

изъ ā; сокращеніе, бывшее фонетическимъ только при ямбическомъ сочетаніи, распространилось вообще, кромѣ изолированныхъ формъ trĭgintā и т. д. Это же окончаніе было перенесено въ лат. яз. и на согласныя основы: genera. Вопросъ возникаетъ о греч. ᾰ въ ζυγά: фонетическое ли это сокращеніе, или это вліяніе—ᾱ въ основахъ на согласныя. Въ основахъ на i и u старыя формы были на ī и ū: ср. вед. çucī, purū́; греч. ἴδρια «мудрыя», δάκρυα (δάκρυ «слеза), какъ и лат. maria, cornua—новообразованіе. Въ лат. яз. окончаніе ia перенесено и на извѣстныя согласныя основы: dicentia.

c) *Винит. мн. ч. не сред. р.* имѣлъ суффиксомъ—n̥s послѣ согласной и—ns послѣ слоговой гласной, при чемъ по указаніямъ балтійскослав. яз. n было здѣсь не краткимъ. Въ положеніи послѣ долгой гласной n въ праязыкѣ, повидимому, фонетически исчезло въ группѣ -ns въ концѣ слова въ паузѣ или передъ согласной (а затѣмъ одни случаи повліяли на другіе). Такимъ образомъ въ основахъ на гласныя мы имѣемъ индоевроп. окончанія -ons, -ins, -uns [1]), -ās, -ēs. Отсюда объясняются др.-инд. vr̥kān (долгота a объясняется старой долготой n), agnī́n, sūnū́n, sénās, лат. equōs, finīs (a по аналогіи согласныхъ основъ ovēs); въ согласныхъ основахъ им. и вин. мн. оканчивались на -ēs (въ им. мн. это окончаніе изъ основъ на ī; подъ вліяніемъ этого и -īs въ основахъ на i переносилось въ им. мн.), manūs, equās, fidēs (equās м. б. старой формой на -ās, а м. б. и изъ -ans, гдѣ n внесено по аналогіи -ons, откуда ōs и т. д.; на это указываетъ языкъ осковъ); греч. критск. вин. типа λύκονς (а передъ согласной въ вин. мн. -ος съ утратой ν), атт. обобщено всюду -ονς, откуда -ους (λύκους), лесб. οις (λύκοις), критск. πόλινς (атт. πόλεις изъ πόλενς, которое замѣнило πόλινς подъ вліяніемъ πόλεως, πόλει и т. д.); старый вин. отъ основы на i сохранился въ аттич. τρισ-καί-δεκα «13», а обычное τρεῖς по аналогіи πόλεις, далѣе и въ основахъ на u аттич. εις (ср. γλυκεῖς) при критск. υἱύνς, ср. аттич. υἱεῖς «сыновей», χώρας, τιμάς съ ā изъ -ans, гдѣ ν по аналогіи -ονς и т. д. (ср. лат. яз.); въ основахъ на i и u находимъ діалектич. (Гомер.) πόλιας, γλυκέας съ окончаніемъ n̥s, ср. соотв. древнеинд. вед. образованія на -yas, -vas. Въ основахъ на ī стянутое мы находимъ др.-инд.: bhárantīs, а греч. φερούσᾱς изъ *φέροντιανς. Въ др.-инд. языкѣ основы на i и u ж. р. получили по аналогіи основъ на ā въ вин. мн. -īs, -ūs (gátīs, dhēnús). Въ старослав. яз. ср. **рабы, конѣ** (древнерусск. конѣ), ср. фонет. стр. 49, **костн, сынъı, женъı, ꙁемлѣ** (древнерусск. землѣ). Общеслав. у (старослав. **ъı**) и ie̯ (старосл. **ѣ**, русск. ѣ) получились въ основахъ ж. р. слѣдующимъ образомъ: въ окончаніи -ās по аналогіи другихъ вин. появилось n, а -ans далѣе было замѣнено черезъ -ons подъ вліяніемъ краткости гласной въ прочихъ вин. мн., отсюда послѣ твердаго звука въ результатѣ y, послѣ мягкаго ie̯. Вслѣдствіе совпаденія вин. мн. (въ старомъ образованіи) на -ās съ род. ед. и им. мн. и въ эти падежи проникло то же новообразованіе съ n.

---

[1]) Нѣкоторые ученые принимаютъ для вин. мн. -ōns, -īns, -ūns, на что нѣтъ достаточныхъ основаній; долгота въ отдѣльныхъ языкахъ, гдѣ она есть, вездѣ объясняется на почвѣ отдѣльныхъ языковъ.

Въ основахъ на согласныя было окончаніемъ вин. сочетаніе—ą̣n̥s, ср. др.-инд. rā́jan-as, гр. τέκτονας, лат. hominēs; др.-инд. вин. мн. pitṛ́n (ṛ долгое)—есть новообразованіе по аналогіи другихъ вин. съ долгою гласною, ср. гр. πατέρας, гдѣ as изъ ą̣n̥s. Инд. -ą̣n̥s находимъ и у основъ на ī и ū, ср. др.-инд. dhíy-as (dhī-s «мысль»), bhrúv-as (bhrū-s «бровь»), греч. λίας, ἰχθύϝας.

d) *Родит. мн. ч.* имѣлъ всюду окончаніе -ōm. Въ др.-инд. яз. передъ ām изъ ōm мы имѣемъ въ основахъ на гласныя еще n, извлеченное изъ основъ на n; это n распространилось дальше и на основы, на дифтонгъ и на r; ср. vṛ́ka-n̥-ām, sḗnā-n-ām, agnī-n-ā́m, sūnū-n-ā́m, pitṝ-n̥-ā́m, gávām при gónām (gaus «быкъ, корова»), vāc-ā́m и т. п. Въ греч. языкѣ ср. ἵππων, ἰχθύϝων, τεκτόνων, χωρῶν, τιμῶν (въ основахъ 1-го склоненія окончанія -ῶν изъ -ᾱσων, внесеннаго въ имена по аналогіи мѣстоименій). Въ лат. яз. изъ ōm получилось -om и далѣе -um, которое въ именахъ 1-го склоненія замѣнилось окончаніемъ -ārum изъ мѣстоименій и далѣе въ 2-мъ склоненіи -ōrum, далѣе и въ 5-мъ склоненіи -ērum; старое -um во 2-мъ склоненіи сохранялось въ извѣстныхъ случаяхъ въ классич. эпоху (въ формулахъ: socium, въ обозначеніяхъ мѣры и вѣса: sestertium, въ видѣ архаизма у поэтовъ: virum); въ 4-мъ склоненіи ср. passum, senātuum, (1-е старое изъ -u̯ōm, а второе новообразованіе); въ 3-мъ склоненіи окончаніе -ium изъ основъ на i (marium) перенесено и на нѣкоторыя согласныя основы (adulescentium). Старослав. изъ -om -ъ и -ь послѣ мягкаго звука, ср. **рабъ, женъ, сыновъ, костии, костьи** (общеслав. kostijь, гдѣ ь изъ ъ послѣ мягкаго звука), **конь** и т. п.

e) *Дат. отлож. мн. ч.* Одни языки указываютъ на суффиксъ съ bh (др.-инд. -bhyas, лат. -bos, -bus), другіе на суффиксъ съ m (германскіе, балтійскіе и слав. яз.), ср. старослав. **-мъ** (м. б. изъ -mos, не -mus, а въ литовск. яз. извѣстно и то, и другое (лит. ms, которое не изъ -mus, а изъ -mas, и -mus, допускающее, впрочемъ, и другое объясненіе для u). Ср. др.-инд. vṛ́kē—bhyas (гдѣ ē изъ oi̯, а oi̯ въ окончаніи именныхъ основъ подъ вліяніемъ мѣстоим., гдѣ при o было въ окончаніи основы въ извѣстныхъ падежахъ oi̯) sḗnā-bhyas, vag-bhyás (vāk «голосъ, рѣчь, слово») и т. п. Лат. deābus, filiābus, ambābus, duābus (а въ другихъ именахъ въ классич. эпоху—īs по аналогіи 2-го склоненія, тогда какъ въ указанныхъ образованіяхъ сохранилось -ābus для отличія отъ формъ на въ -īs въ соотв. словахъ м. р.). Въ 3-мъ склоненіи всюду—ibus изъ основъ на i (ovibus и patribus). Ср. старослав. **рабомъ, конѥмъ, женамъ, пѫтьмъ, сынъмъ** и т. п. Въ 4-мъ склоненіи—ibus (manibus), но -ubus сохранялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. arcubus (arcus «лукъ») для отличія отъ arcibus (arx—крѣпость).

f) *Твор. пад. мн. ч.* имѣлъ суффиксомъ—bhis при діалектич. индоевроп. суффиксѣ съ m (старослав.—**ми**,); ср. др-инд. вед. vṛ́kē—bhis, sḗnā—bhis, agní—bhis и т. д.; старосл. **женами, пѫтьми, костьми, сынъми, каменьми** (по аналогіи основъ на i). Въ основахъ на o разсматриваемая форма по общераспространенному мнѣнію оканчивалась на—ōi̯s:

др-инд. vṛkais, лат. equīs (изъ *ois), и далѣе въ основахъ 1-го склоненія—*ais, откуда тоже—īs: aquīs. Эта форма по-латыни была и формой дат. мн., а въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ склоненіяхъ форма дат. стала и формой творит.; старослав.—**ы** послѣ твердой, **и** послѣ мягкой согласной (**рабы, конѣ**) до сихъ поръ еще не объяснены удовлетворительно; думаютъ, напр., что то **ѣ**, которое мы ждемъ изъ—ōis послѣ твердаго звука, при **и** послѣ мягкаго, было замѣнено звукомъ **ы** еще въ общеслав. яз. подъ вліяніемъ соотношенія между—**ъ** и—**ь** въ им. ед. Однако, Ф. Ѳ. Фортунатовъ давно уже высказалъ предположеніе, что при—bhis въ индоевроп. праязыкѣ въ тв. мн. было—his, которое являлось въ основахъ на o: др-инд.—āis объяснялось бы изъ—ohis по правилу Бругмана, а слав. **ы** изъ o—i, принадлежавшихъ первоначально разнымъ слогамъ (по утратѣ h).

g) *Мѣстн. мн. ч.* имѣлъ суфф.—su, на которой указываетъ др-инд.—su (—ṣu, послѣ i, u самихъ по себѣ и въ окончаніи старыхъ дифтонговъ, r, k), и можетъ указывать слав.—**хъ**, хотя—**ъ** можетъ быть и изъ—un (а на—sun указываетъ и діалектич. литовское окончаніе). Въ греч. находимъ—σι въ окончаніи греч. дат. мн., по просх мѣстн. Неясно отношеніе къ индоевроп. окончанію и литовскаго—se. Въ основахъ на o въ греч. дат. мы находимъ старый творит. на—οις (ἵπποις), распростран. въ нарѣчіяхъ и на другія основы; наоборотъ, въ основахъ на—o мы при—οις находимъ и—οισι; въ 1-мъ склоненіи соотв.—αις и—αισι. При σι было и—σιν съ ν ἐφελκυστικόν, взятымъ изъ ἡμῖν. Далѣе, только послѣ согласной σ могло упѣлѣть въ греч.: φύλαξι, γένεσι, Гом. γένεσσι (это—εσσι изъ такихъ основъ переносилось частью и на другія основы), послѣ гласной же оно не могло сохраниться, приходясь между двумя гласными, т. е., напр., въ βάσισι, атт. βάσεσι, оно явилось вновь подъ вліяніемъ согласныхъ основъ. Ср. др-инд. vṛkē—ṣu, старослав. **вльцѣхъ, влъцѣхъ**, гр. λύκοισι; др-инд. pitṛ—ṣu, греч. πατρά—σι (гдѣ ρα=др-инд. ṛ изъ индоевроп. ar̥), др-инд. sēnā—su, греч. χώραισι; др-инд. agnī—ṣu, греч. βάσισι, аттич. βάσεσι (съ новымъ e) и т. д.; старослав. **пѫтьхъ, костьхъ**, и далѣе **каменьхъ, сыньхъ**. При—**ьхъ** въ согласныхъ основахъ мы находимъ—**єхъ** и въ такихъ памятникахъ, гдѣ **є** не можетъ быть объяснено изъ **ь**, напр. Савв. кн.; это **є** стоитъ въ связи съ **є** въ мѣст. ед. (**камєнь—є**) такихъ именъ, гдѣ оно было постпозиціей, примкнувшей къ формѣ мѣстн. ед. безъ суффикса. Далѣе это **є** проникло и въ дат. мн., твор. ед. (—**ємъ**,—**ємь** при **ьмъ**,—**ьмь**).

С. Двойственное число.

а) *Им. вин. не ср. р.* имѣлъ въ основахъ на o въ окончаніи—ōu̯ и -ō, ср. др-инд. vṛkau, vṛkā, dvau, dvā (въ санскритѣ только—au), греч. λύκω, δύω, старослав. **влька, дъва**. Въ основахъ на ā было въ окончаніи aį: др-инд. sēnē, старосл. **жєнѣ, зємѣи**; греч. ᾱ: χώρᾳ, τιμᾷ, что было новообразованіемъ по аналогіи—ω въ 2-мъ склон., но δύω, ἄμφω сохранили старое образованіе (какъ и δυοῖν, ἀμφοῖν). Въ основахъ на ī «стянутое» др-инд. яз. указываетъ на -ī: bhárantī, ср.

старослав. **несѫшти**, которое параллельно **ꙁемл̂и**, греч. φερούσα. Въ основахъ на i и u индоевроп. ī и ū: др-инд. agnī́, sūnū́, старослав. **кости**, **сынꙑ**. Всѣ прочія основы въ др-инд. яз. оканчиваются на—au,—ā (pitárau, pitárā), а въ греч. всѣ прочія основы и основы на i и u имѣютъ ε: φέροντε, πατέρε, λίε, ἰχθύ(Ϝ)ε и т. п. Старослав. **камени** по аналогіи основъ на i.

b) *Им. вин. дв. ч. ср. р.* въ основахъ на ō оканчивался на—oi̯: ср. др-инд. yugḗ, dvē, старослав. **нѕѣ**, **нꙁѣ**, **пол̂и**, **дъвѣ**; м. б. сюда же и греч. δύο (для ср. р.), если оно изъ *δυ̯οι̯ въ положеніи передъ гласной въ началѣ слѣдующаго слова; обычн. греч. δύω, ζυγώ—формы муж. р. Въ основахъ на i и u было въ окончаніи ī, др-инд. akṣī́ «глаза», ср. старослав. **оуи** (м. б. старою формою дв. ч. ср. р.), др-инд. urvī́ (urū́ «широкій»); греч. ὄσσε изъ *οκιε «глаза», какъ и δοῦρε «два копья» (изъ δορϜε, ср. ед. ч. δόρυ) новообразованія съ ε, извлеченнымъ изъ м. р. Согласныя основы: др-инд. námnī, námanī (nāma «имя»), ср. старослав. **имени** (**именѣ** новообразованіе); въ греч. яз. ε (σώματε, ед. ч. σῶμα «тѣло»). Греч. Ϝίκατι (съ ι долгимъ на концѣ), εἴκοσι «20», гдѣ—κατι есть старая форма дв. ч., ставитъ вопросъ о томъ, не было ли у согласныхъ основъ и i краткаго (лат. vīgintī—ī долгое); тогда былъ бы понятенъ переходъ др-инд. vi̯çatí—«20» въ основу на i.

c) *Дат., отлож., твор. дв. ч.* Здѣсь опять встрѣчаемъ указаніе на два суффикса съ bh и m: др-инд.—bhyām, старосл.—**ма** (др-инд. vṛ́kā—bhyām, старослав. **влькома**, **влъкома**, др-инд. agníbhyam, старослав. **пѫтьма**, и т. п.; др-инд. ā въ окончаніи основы въ vṛ́kā—bhyām перенесено изъ им.

d) *Род., мѣстн. дв. ч.* Здѣсь показанія отдѣльныхъ языковъ сильно расходятся. Др-инд.—ōs и старослав.—**оу** могутъ быть отожествлены, но лит. au, которое сохранилось въ нарѣчіяхъ, ср. pusiaū «пополамъ», ставитъ вопросъ, не было ли искони—ou̯ окончаніемъ мѣстн., а—ou̯s окончаніемъ собств. род. Въ основахъ на ā мы въ слав. находимъ то же—**оу** (**женоу**); въ др-инд. яз. основы на o и на ā имѣютъ одинаково—ayōs (vṛ́kayōs, yugáyōs, sḗnayōs, гдѣ ay перенесено м. б. изъ им. вин. дв. ч. ср. р. Въ греч. яз. въ значеніи косвенныхъ падежей дв. ч. являются—οιιν (Гом.),—οιν (атт.) у всѣхъ основъ, кромѣ основъ на ā, гдѣ αιν (ἵπποιν, χώραιν) по аналогіи—οιν, а—οιν греч. новообразованіе: подъ вліяніемъ соотнош. νώ: νῶϜιν (атт. νῷν) «мы оба» возникли при ἄμφω м. р. *ἄμφωϜιν, а при ἄμφο ср. р. *ἄμφοιϜιν; это—οιιν,—οιν распространилось и дальше.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Общія замѣчанія объ основахъ 3
2. Общія замѣчанія о формахъ склоненія 8
3. Обзоръ именныхъ основъ 14
4. Формы склоненія именъ:
   - А. Единственное число 29
   - Б. Множественное число 37
   - С. Двойственное число 41

Изданія Общества Взаимопомощи студентовъ-филологовъ при И. М. У.

Аристофанъ. Текстъ комедіи „Плутонъ“. М. 1895 г. Ц. 50 к. (отлитографировано).

Богословскій, М. М. Исторія Россіи XVIII в. М. 1915 г. Ц. 2 р. 50 к. (отлитографировано).

Брандтъ, Р. Ѳ. Обзоръ славянскихъ литературъ. II-е изд. М. 1915 г. Ц. 1 р. 15 к. (отлитографировано).

Брандтъ, Р. Ѳ. Краткая сравнит. грамматика славянскихъ языковъ. II-е изд. М. 1915 г. Ц. 60 к. (отпечатано).

Лопатинъ, Л. М. Исторія новой философіи. Ч. I-я, до Канта. М. 1915 г. Ц. 1 р. 75 к. (отпечатано).

Лукрецій. „De rerum natura“. Выбранныя мѣста текста. М. 1914 г. Ц. 20 к. (отлитографировано).

Лютеръ, А. Ѳ. Введеніе въ германскую филологію. М. 1913 г. Ц. 2 р. 40 к. (отлитографировано).

Покровскій, М. М. „Pro Caelio“ Цицерона. Введеніе, комментарій и переводъ. М. 1911 г. Ц. 3 р. (отлитографировано).

Покровскій, М. М. „De republica“ Цицерона. Комментарій и переводъ. II-е изд. М. 1914 г. Ц. 1 р. 20 к. (отлитографировано).

Поржезинскій, В. К. Сравнительная морфологія индо-европ. языка. 1916 г.

Поповъ, Н. Г. Очерки по гражданской исторіи Византіи. II-е изд. М. 1916 г. Ц. 4 р. (отлитографировано).

Савинъ, А. Н. Исторія Западной Европы XI—XIII вв. Лекціи по записи слушателей и конспекту лектора. М. 1913 г. Ц. 3 р. (отлитографировано).

Савинъ, А. Н. Вѣкъ Людовика XIV. Лекціи по записи слушателей. М. 1913 г. Ц. 3 р. 50 к. (отлитографировано).

Савинъ, А. Н. Конспектъ лекцій по исторіи французской революціи. М. 1915 г. Ц. 2 р. 40 к. (отлитографировано).

Сперанскій, М. Н. Русская литература XVIII и нач. XIX вв. М. 1916 г. 2 части. Ц. 4 р. (отлитографировано).

Ушаковъ, Д. Н. Матеріалы къ просеминарію по русскому языку. М. 1916 г. Ц. 20 к. (отпечатано).

Находятся въ печати:

Готье, Ю. В. Исторія южныхъ славянъ (литогр.).

Покровскій, М. М. Анналы Тацита. Комментарій и переводъ выбранныхъ мѣстъ. (литогр.).

Готовятся къ печати:

Богословскій, М. М. Исторія Россіи XIX в. (литогр.).

Соболевскій, С. И. Комментарій и переводъ комедіи Аристофана „Плутонъ“ (литогр.).

Лопатинъ, Л. М. Исторія новой философіи. Ч. II-я, послѣ Канта (будетъ печататься).

Цѣна 50 коп.